

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

Суть времени

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени». Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно по телефону 8-800-100-97-24 (звонок бесплатный), podpisika@eot.su

Оглавление

Колонка главного редактора	4
Починка времени	5
Политическая война	16
Шура и шурá	17
Шура или шурá	36
«Я буду пилить, а вы — пиликать!»	56

<i>ОГЛАВЛЕНИЕ</i>	2
Спецвойна	76
Хроника «реформирования»	77
Академии наук и их аналоги — миро- вой опыт	96
Наука как один из основных фак- торов современного общественного развития	117
Кто и как делает науку	136
Наука и инновации	178
Проблемы постсоветской науки: исто- ки и факторы кризиса	198
Открытое письмо о митинге в защиту российской науки	233

ОГЛАВЛЕНИЕ

3

В штаб Народного Собрания, посвя- щённого защите Российской науки	244
Письмо участникам митинга в под- держку науки	253
Война с историей	264
Шура, шурá и Путин	265
Метафизическая война	283
Жмурки	284

Колонка главного редактора

Починка времени

Наша газета будет круто менять обличье. И все эти изменения призваны решить одну задачу — починку очень больного, очень подлого времени, плыть в потоке которого и скучно, и глупо, и аморально

Иногда об одном и том же надо говорить неоднократно. Я уже проводил параллели между газетой «Суть времени» и газетой

«Искра», подчёркивая, что в этом нет ни тени самовосхваления. Что речь идёт только о функциональном сходстве. То есть о том, что есть газеты, желающие «всего лишь» информировать читателя (просвещать его, ну в крайнем случае — воспитывать и не более того). А есть газеты, которые, конечно же, хотят и того же самого, и одновременно чего-то большего. Чего же именно?

Реализации очень крупных проектов — вот чего.

Значит ли это, что такие газеты отказываются от того, что я отнёс к разряду «всего лишь», поставив это самое «всего лишь» в кавычки? Конечно, нет.

Любая газета, если она хочет быть газетой, должна быть *прежде всего* повествованием о своём — здоровом или больном, великим или ничтожном — времени.

Сейчас в России газета как никогда должна, чтобы оставаться газетой, сообщать читателю наиважнейшие сведения по поводу особого времени, в котором он, прошу прощения, барахтается. Если газета игнорирует эту необходимость, она превращается во всё что угодно — в высоколобый журнал, в рафинированный альманах.

Газета «Суть времени» хочет быть именно газетой. Но уже её название говорит о том, что она собирается сообщать читателю некие сведения по поводу сути того подлого времени, внутри которого он не может не находиться (оно же «время Ч», время регресса, время отаракивания и так далее).

Вот почему, печатая книгу «Странствие» на протяжении многих номеров, газета «Суть времени» не переставала быть газетой. Она сообщала читателю наиважнейшие сведения

по поводу времени — но и не только. Одновременно с этим обсуждалась возможность исправлять это самое время, осуществлять то, что именуется починкой времени. Ведь именно о такой починке по-разному говорили, к примеру, герой шекспировской пьесы, бравший на себя ответственность за соединение разорванной цепи времён, и герой пьесы Погодина «Кремлёвские куранты».

Героя шекспировской пьесы звали Гамлет, а героя пьесы Погодина — Ленин. Гамлет и Ленин по-разному понимали, как надо починить сломанное время. Но разница в понимании способов решения задачи — это одно. А единство задачи — это другое.

Никакая газета, оставаясь только газетой, не может починить время. Она может сделать это, только став и газетой, и чем-то большим. То есть не только сообщать читателю те или

иные сведения по поводу времени (это она должна делать всенепременнейше!), но и, осуществляя это собственно газетное дело, одновременно и параллельно осуществлять крупнейшие проекты.

За год работы мы осуществили один такой крупнейший проект — мы создали учебники для трансдисциплинарного гуманитарного университета «Школа Сути». Два десятка учебников, написанных в рамках одной методологии, — это крупнейший проект, не правда ли? Не буду обсуждать качество этих учебников — не мне его обсуждать. Но с функциональной точки зрения здесь возможна и впрямь лишь одна параллель — с энциклопедией, которая в конце XVIII века заложила основы нового большого исторического проекта — проекта «Просвещение», он же проект «Модерн».

Кстати, и издание «Странствия» — это тоже большой проект. Потому что странствующий герой — это герой, осуществляющий таинство проникновения во время. А никакие большие проекты не могут осуществляться в случае, если вы не обладаете способностью осуществлять те или иные таинства.

4 октября 2013 года — в двадцатилетие преступного расстрела первого российского парламента бандой Ельцина — мы играли спектакль «Изнь». Это таинство. И зритель, сидевший в зале, понимал, что он творит это таинство вместе с нами. Любое таинство — это соединение с мёртвыми. Построение переправы через реку Стикс, так сказать.

Таинства бывают простыми и сложными. Простейшее таинство — посещение могил, возложение венков. Я не хочу девальвировать такие таинства. Но если весь опыт построе-

ния переправ сводится к этому, забудьте о новых больших проектах. Нет и не может быть больших проектов без развёрнутых литургий, обеспечивающих восхождение к новому пониманию.

Осуществить за год даже один большой проект — это очень даже немало. Но этого недостаточно для того, чтобы починить время. А значит, мы продолжим, обсуждая время, соприкасаясь с его особыми точками, ещё и осуществлять эти самые большие проекты. Мы никогда не будем подлаживаться под читателя. Мы не ищем не только кассового, но и никакого иного успеха. Мы чиним время.

И предлагаем читателю делать это вместе с нами. Читая нашу газету, он участвует в этом действии. Меняясь по ходу этого прочтения, он тем более участвует в этом действии. Подключая к прочтению нашей газеты дру-

гих — он опять-таки чинит время. Чинит его вместе с нами. Чинит упорно и с чётким осознанием того, что починить его почти невозможно. Он делает это, сообразуясь с такой почти невозможностью. Отчётливо осознавая, что использовать различие между невозможным и почти невозможным можно только за счёт особой мобилизации.

Недавно ко мне зашёл один мой друг. Он великолепно выглядел — и я порадовался за него. Всегда радуешься, когда твои друзья побеждают болезни, старость, физические изъяны и так далее. Друг сам радовался этой победе и хотел порадоваться вместе со мной. Он взахлёб рассказывал мне и о том, как он преодолел вызовы возраста и болезни. И о том, как после этого он путешествовал по миру, наслаждаясь новыми возможностями. Друг мой — интересный рассказчик. И я увле-

чённо слушал его, радуясь тому, что хоть иногда кто-то может тебе не с мрачным видом повествовать о мрачных вещах, а предлагать иные виды повествования. А потом друг ушёл. И размышляя по поводу его повествования, я с изумлением понял, что в этом повествовании участвовало только тонкое и высокоморальное «Я» моего друга. Поверьте, это большая редкость сегодня — «Я», повествующее о чём-то на языке душевной тонкости и высокой моральности. Но задним числом я вдруг понял, что этого недостаточно. В математике есть такое понятие, на которое я неоднократно обращал внимание читателя — «необходимо, но недостаточно».

Недостаточно для чего? — спросят меня.

Отвечаю: для починки времени. Я уже сказал, что для этой самой починки нужна мобилизация. А мобилизация невозможна,

коль скоро включено только «Я». Для мобилизации необходимо включить «сверх-Я», заставить это «сверх-Я» работать с особой на-калённостью. Только тогда откроется путь к починке времени.

В повествовании моего друга было много точных, тонких соображений. Но в нём не было метафизической и онтологической позиции. Каковая всегда предполагает и ответственность за время, и конфликтные отношения между временем и тобой.

Повествуя о времени, обсуждая возможность его починки и осуществляя эту починку, мы будем бороться за обретение нашими соратниками этой способности к мобилизации, этой метафизической и онтологической позиции. И потому наша газета, оставаясь верной себе, одновременно будет круто менять обличье. Готовьтесь к этому и верьте в

то, что все эти изменения призваны решить одну задачу — починку очень больного, очень подлого времени, плыть в потоке которого и скучно, и глупо, и аморально.

До встречи в СССР!

Сергей Кургинян

Политическая война

Шура и шурá

Именно 4 октября 1993 года следует считать наиболее мрачным, зловещим и долгоиграющим событием эпохи демонтажа советской системы и советского образа жизни

Мобилизация невозможна, если нет ключевого образа, побуждающего к этой мобилизации. Перестать играть в жмурки надо именно для того, чтобы увидеть нечто. Рациональное зрение вполне может удовлетвориться словосочетанием «кriminalный капитализм». Но для мобилизации одного лишь

рационального зрения недостаточно. Нужно и иное зрение... Нет, не иррациональное, а сверхрациональное. То есть такое, в котором разум и эмоции не будут отделены друг от друга. Мы предлагаем читателю перестать жмуриться и, открыв глаза, увидеть, кто пришёл. Увидеть этого пришедшего как феномен, как зримую и эмоционально оцениваемую коллективную сущность.

Криминальный капиталистический класс не абстракция. Это именно сущность. Абстракция — это скелет. А сущность — это скелет, одетый в определённую ткань, наделённый определёнными чертами, обладающий определённой логикой, способный к определённому поведению. Для того чтобы перейти от политологического и политэкономического скелета к феноменологической сущности, давайте обсудим то, что вынесено в заголово-

Шура и шурá

вок.

Некоего Шуру, как того, кто пришёл. И то, что до поры до времени находится в тени Шуры. Я имею в виду Шурú.

Шúра — это герой «Золотого телёнка», этого любимого очень и очень многими и крайне мною нелюбимого сочинения Ильфа и Петрова. Ставшая нарицательной фраза Панниковского «пилите, Шура, пилите» приобрела совершенно новый характер в постсоветскую эпоху, эпоху распилов, откатов и тому подобного. Впрочем, так ли уж нова эта эпоха? Разве кто-нибудь объективно проанализировал пресловутую НЭП (если кто не помнит, это «Новая экономическая политика», с помощью которой большевики пытались вывести страну из экономического коллапса, порождённого Гражданской войной)?

Почти никто этого не сделал. Потому что

одним надобно было эту НЭП воспеть (мол, на короткое время большевики в какой-то мере отказались от распределительного безумия). А другим надобно было ту же самую НЭП осудить (дабы возобладала распределительная логика с её Госпланами, Госнабами и так далее). Две эти надобы: воспеть и осудить — возобладали над стремлением осмыслить НЭП как особую реальность. Ту самую, которую постарались на свой лад описать Ильф и Петров в своих «Двенадцати стульях» и «Золотом телёнке».

Читатель вправе задать вопрос: «Если две надобы пожрали объективность, то почему Вы говорите, что почти никто не предпринял попыток объективно описать НЭП? Ведь когда говорят «почти никто» — то это означает, что кто-то всё-таки какие-то попытки подобного типа предпринимал. Ну и кто же этот

Шура и шурá

герой?»

В одной из передач «Суд времени» я попытался вернуть забытое имя: Ларин. Юрий Ларин (настоящие имя и фамилия Михаил Залманович Лурье) — крупный советский партийный и государственный деятель. Родился в Симферополе в 1882 году. С 18 лет участвовал в революционном движении. До августа 1917 года был меньшевиком. С августа 1917 года вступил в РСДРП(б). С 1917 года — член президиума ВСНХ (Высший совет народного хозяйства). Фактически руководил ВСНХ. Рьяно проводил коллективизацию. Вообще являлся ревностным сторонником распределительной системы. Один из создателей Госплана. С ноября 1921 года — член Президиума Госплана. Умер в 1932 году. Прах Ларина погребён в Кремлёвской стене.

Книга Ларина «Частный капитал в

СССР» издана в 1927 году по материалам судебных дел о нэпманах. В этой книге Ларин описывает то, как именно пилили в годы НЭП не какие-то там шуры балагановы, а очень солидные партийные, государственные и иные дяди и тёти. В книге Ларина описаны все виды такого распила. Каждая глава посвящена одной из разновидностей распила.

Глава первая — «Агенты и соучастники частного капитала в госаппарате».

Разве не актуальное название у этой главы? У нас все ахают и охают по поводу того, как воруют чиновники. Но они же являются агентами и соучастниками некоего перворовства, оно же — первоначальное накопление капитала, не правда ли? А ведь как хочется перевести стрелку и заявить, что корень зла не в том, что первоначальное накопление формирует лжекапиталистическую ра-

ковую опухоль. А в том, что чиновники у нас плохие. То есть они, конечно же, плохие, не спорю. Но одно дело — исступлённо орать об их скверности. И совсем другое дело — поставить диагноз нашему капитализму. При том, что этот диагноз фактически ничем не отличается от того, который поставил Ларин пресловутой НЭП.

Вторая глава книги Ларина называется «Лжегосударственная форма деятельности частного капитала». Так актуально, что дух захватывает, не правда ли?

Третья глава книги Ларина называется «Злостная контрагентура». Ничуть не менее актуально, так ведь?

Ну, а дальше идут главы, в которых Ларин конкретно описывает, как именно пилили и на чём.

В главе четвёртой он описывает распил на

Шура и шурá

неликвидах.

В главе пятой — хищническую аренду как особую форму распила.

В главе шестой описывается распил через систему перекупок.

В главе седьмой — распил через контрабанду.

В главе восьмой — распил через государственный денежный кредит.

В главе девятой — распил через государственные займы.

В главе десятой — распил через валютные операции.

Ларин очень конкретен. Он приводит примеры того, как именно идут вразнос разложившиеся партийно-государственные хищники и их капиталистические союзники нэпманы.

Примеры убийственные. Речь идёт ино-

гда о скрытых формах приватизации целых улиц и районов. И о конкретном парт-госзверье, которое осуществляет это рука об руку с оборзевшими нэпманами разных мастей и калибров.

Но Ларин не тонет в этой конкретике — он делает вывод. И это убийственный вывод. Согласно Ларину, криминальная опухоль первоначального капиталистического накопления, осуществляемого под маской НЭП, вот-вот пожрёт государство и народ. Единственная альтернатива — удаление опухоли, причём безжалостное.

Очень символическая бытовая деталь: Бухарин, протестовавший против удаления этой опухоли, был женат на дочери Ларина.

Книга Ларина была смертным приговором Бухарину и его сторонникам. До 1937 года Ларин не дожил. Но к 1932 году, когда он

умер, капиталистическая криминальная опухоль была фактически удалена. И страна выжила.

Одна из причин моей нелюбви к произведениям Ильфа и Петрова — сокрытие ими серьёзности распила с помощью превращения оного в балаган. Недаром же Шуру, который пилит, называют Балаганов. Ильф и Петров люди умные — и очень точно выбирают фамилии своих персонажей. В сатире (а именно таков жанр их произведений) всегда фамилии персонажей выбираются точно и содержат в себе целую систему ссылок, намёков и адресаций.

Произведения Ильфа и Петрова — это карнавализация нэпмановского распила. О карнавализации и её зловещем значении много написано Анной Кудиновой, и здесь я к этой теме возвращаться не буду. Укажу лишь,

что, когда уже нельзя избежать обсуждения определённой темы (темы распила, например), распильщикам, желающим остаться в тени, остаётся только одно — превратить обсуждение этой темы в балаган. Посмотрите, мол, какие мелкие и трогательные персонажи населяют нэпмановскую эпоху. Как беспомощны даже самые свирепые из них. И как трогательно гуманистичны менее свирепые. И что, мы с вами со звериной серьёзностью будем обсуждать распил эпохи НЭП, который чуть было не погубил страну? Давайте вместо этого посмеёмся, поумиляемся... И подведём черту.

Увы, даже после операции по удалению опухоли первоначального накопления капитала эпохи НЭП, операции, осуществлённой в 30-е годы XX века, подвести черту не удалось. Зверское накопление военной эпохи, ко-

гда постнэпмановское зверьё наживалось на голоде и беде... Новые витки послевоенного накопления... И — катастрофа обрушения СССР. Вот что такое «пилите, Шура, пилите»... Допилились!

Между тем, к Шуре всё не сводится. Потому что там, где Шура, там и шурá. Мы подходим к моменту, когда данная закономерность, спрятанная ранее в тени разнообразных процессов, начинает выходить на свет божий.

4 октября исполнилось 20 лет со дня неслыханного преступления, совершённого Ельциным, расстрелявшим собственный парламент.

Осуществите элементарный мысленный эксперимент — перенос этого деяния Ельцина с той географической точки, где оно было осуществлено (Москва), на любую другую географическую точку (Париж, Лондон,

Нью-Йорк, Рим, Тель-Авив и так далее) — и всё станет ясно. Под вопли о том, что нам надо учиться у них демократии, — демократия была свирепо растоптана. К сожалению, к этому всё не сводится. А как бы хотелось автору этих строк, чтобы всё сводилось к Ельцину, его преступным деяниям...

Увы, такое зауживание рамок лишает нас всех способности понять своё прошлое. А значит, и предуготовиться к тому будущему, которое вытекает из этого прошлого с предельной неумолимостью.

Многие считают, что 21 августа 1991 года (когда сдались так называемые путчисты) или 8 декабря 1991 года (беловежский преступный сговор по окончательному расчленению СССР) — трагичнее и масштабнее, чем то, что произошло 4 октября 1993 года.

Попытаюсь перечислить причины, по ко-

торым именно 4 октября 1993 года следует считать наиболее мрачным, зловещим и долгоиграющим событием эпохи демонтажа советской системы и советского образа жизни.

Причина первая. И 21 августа 1991 года, и 8 декабря 1991 года отсутствовала крупная точка сборки, то бишь политически значимое место, в котором могли бы собраться те, кто был внутренне готов сопротивляться действиям врага, разрушающего Советский Союз. Ни КПСС, ни ГКЧП не сказали народу: «Придите в такое-то время туда-то и поддержите нас».

В 1993 году таким местом был Дом Советов на Краснопресненской набережной. А с обращением: «Придите к Дому Советов и поддержите нас!» — обратились ключевые политики страны.

Александр Руцкой, который к этому мо-

Шура и шурá

менту на законных основаниях был исполняющим обязанности президента РФ.

Руслан Хасбулатов, возглавлявший представительную власть, которая на тот момент значила по Конституции больше, чем президентская.

Валерий Зорькин, председатель Конституционного суда. И так далее.

Причина вторая. И 21 августа 1991 года, и 8 декабря 1991 года на стороне тех, кто хотел бороться с разрушителями, не было стопроцентной юридической правоты. И теперь многие не хотят верить в то, что Горбачёв спровоцировал в августе 1991 года членов ГКЧП так же, как Керенский в августе 1917 года спровоцировал Корнилова.

Но даже если это, наконец, будет доказано самым неопровергимым образом, что это изменит? Вольно ж было Корнилову подда-

ваться на провокацию. Вольно ж было членам ГКЧП хоть как-то и хоть в какой-то мере соотносить себя с Горбачёвым. И наконец, коль скоро это так, то чем Горбачёв лучше Ельцина?

Лично я считаю, что и 21 августа 1991 года, и 8 декабря 1991 года — это чёрные даты российской истории. Что Горбачёв и Ельцин — преступники. Но никакой окончательной правовой внятности в происходящем тогда не было. А на 21 сентября 1993 года, когда Ельцин подписал свой преступный указ 1400, и уж тем более на 4 октября 1993 года, когда он растоптал, повинуясь низменным кровожадным инстинктам, и право, и закон, и демократию, — правовая внятность была абсолютной. С правовой точки зрения однозначно и неопровергимо правы были те, кто сказал «нет» указу 1400. И если право хоть

что-то значит, если обязанность гражданина встать на сторону права — то каждый гражданин должен был находиться в те страшные сентябрьские и октябрьские дни на стороне сил, сказавших «нет» ельцинскому антиправовому бесчинству.

Причина третья. В 1991 году граждане могли считать, что происходит смена идеала — коммунистического идеала советской эпохи на правовой, демократический идеал новой, постсоветской, эпохи. Смена идеалов — это историческая норма. Идеал монархии меняется на идеал Великой французской или Английской буржуазной революции... или на идеал Великой Октябрьской революции. Идеалы меняются — народ как держатель сверхисторического смысла остаётся. Да, именно сверхисторического. Ибо исторический смысл всё же маркируется в ос-

новном идеалом. А смена идеалов маркируется чем-то большим. Тут мы имеем дело и с квинтэссенцией истории, и с метаисторией — то есть... То есть с метафизикой. В принципе, уже сама история метафизична. Но уж метаистория — тем более.

Итак, с метафизической точки зрения смена идеалов — это нечто допустимое. Страшное, кровавое, но допустимое. А в каком-то высшем смысле и необходимое. А вот уход из той или иной церкви идеального в антицерковь — и именно антицерковь — потребления... Это совсем другое. И именно это было сделано в октябре 1993 года. Со всеми вытекающими последствиями, которые, перестав жмуриться, надо наиподробнейшим образом обсудить.

Шура или шурá

Около Дома Советов должно было собраться не менее миллиона оскорблённых, униженных, ограбленных, растоптанных граждан. Но ничего подобного не произошло

Назвав три причины, по которым 4 октября 1993 года — это особая чёрная дата в постсоветской истории, я просто не имею права не обсудить с читателем четвёртую и главную причину. Понимая, насколько болезненным является это обсуждение.

Начну это обсуждение отрывком из спектакля «Изнь»:

Шура или шура

*Так что должны мы обсуждать?
 Как модно сетовать на власть,
 На государство и иные
 Сугубо частные стихии!
 Но что же всё же происходит,
 Прошу прошенья, со страной?*

Мы с вами уже убедились, что никакой идеал не легитимировал сотворённое 4 октября 1993 года беспрецедентное попрание права, свободы, демократии, социальной справедливости, исторической традиции и так далее. Что к этому моменту ничего не осталось даже от той очень ущербной идеальности, которая была присуща так называемой перестройке. Но может быть, речь шла не об идеалах, а об интересах? Чьих интересах? Внимательный анализ показывает, что обоснование 4 октября 1993 года адресацией к интересам... ну я не знаю... народа... социального большин-

ства... ключевых производящих групп общества... было невозможно. И что оно не предъявлялось в качестве оправдания никем из тех, кто совершил это неслыханное преступление.

Они даже не пытались обмануть большинство, посулив ему нечто, проживающее в сфере под названием «интерес». Да это большинство и не могло быть обмануто такими посулами.

Причина четвёртая — и, в общем-то, основная, по которой 4 октября 1993 года является самой чёрной датой нашей постсоветской истории, в том, что с Ельциным к этому моменту не были связаны не только общезначимые идеалы (в том числе и те, которые я назову ущербными). Нет, к этому моменту с Ельциным не были связаны и общезначимые интересы. Ельцин на очевиднейшим образом обокрал народ. Он разрушил промыш-

лленность, сельское хозяйство, культуру, оборону, образование, социальную сферу... Он обещал лечь на рельсы, если следом за этими разрушениями не воспоследует стремительный взлёт всеобщего благоденствия. И он трусливо согнал. Всё это было очевидно.

В силу этих четырёх причин около Дома Советов должно было собраться не менее миллиона оскорблённых, униженных, ограбленных, растоптанных граждан. Собирание подобной критической массы означало тогда одномоментный крах ельцинской недостроенной, дышащей на ладан системы. Но ничего подобного не произошло.

Не использовав тогда свой очевидный политический и метафизический шанс на спасение, граждане пали. У каждого отдельного гражданина могли быть свои аргументы для того, чтобы поступить имен-

но так. Но подобное коллективное гражданское (а точнее, антигражданское) поведение... Поведение немотивированное, подчеркну ещё раз, ни с позиций права, ни с позиций организационно-политической неопределенности, ни с позиций идеальности, ни с позиций социальных интересов... Такое поведение, конечно, ознаменовало собой падение. А поскольку речь, как мы убедились, шла об исторической и даже метаисторической ситуации, то падение носило метафизический характер.

И, как я уже не раз говорил, вполне может быть осмыслено в категориях религиозной метафизики, согласно которой сие есть продажа первородства за чеченскую похлебку.

Всё, что произошло в дальнейшем, обусловлено этой продажей, которая является,

мягко говоря, делом далеко не безыздережечным. Осуждая всё произошедшее после преступного 4 октября 1993, сострадая жертвам произошедшего, никак не уравнивая жертв и преступников, я тем не менее вынужден констатировать, что в каком-то смысле речь идёт о расплате за 4 октября. Что эта расплата длится уже 20 лет. И что она не прекратится до тех пор, пока не будет осознано и трагически пережито всё то, о чём я только что поведал читателю.

Имя расплаты, которая длится 20 лет, — НЭП-2.

Главный герой — криминальный класс, он же коллективный Шура, который вот уже 20 лет пилит и не может остановиться.

Шура этот, конечно же, существо балаганное. Но балаган, устраиваемый данным коллективным Шурой, зачат в крови 1993 года и

Шура или шура

с тех пор лишь кровью питается.

Подобный балаган нон-стоп, в котором коллективный Шура и так пилит, и этак, обязательно уничтожит страну. Именно потому, что имя этому балагану — НЭП-2. А любая НЭП — и та, которая триумфально шествовала в 20-е годы, и нынешняя — это лихорадочное оформление онкологической криминально-капиталистической опухоли. Опухоли, пожирающей организм.

Ельцин расстрелял парламент, растоптал всё убогое идеальное содержание своей эпохи, поставил крест на любом вменяемом развитии страны — для того, чтобы коллективный Шура пилил, не переставая. Шура давно потерял способность к любым действиям, кроме «пиления нон-стоп». Шура не хочет заниматься ничем, кроме такого пиления. И Шура страшно доволен тем, что даёт ему этот вид

Шура или шура

деятельности.

Коллективный Шура благоденствует — и очень ценит это благоденствие. Он ценит его во всех модификациях. Одни члены данного коллектива пилят на уровне миллиардов долларов. Другие — на уровне десятков тысяч долларов. Но благоденствуют и те, и другие. Только по-разному. А трети — входящие всё в тот же коллектив — сами не пилят, но воспевают распил, осмысливают его, легитимируют, интеллектуально окормляют. И тоже благоденствуют. Иногда их благоденствие вполне себе тучное. А иногда почти тощее. Но это всегда благоденствие. И за него коллективный Шура держится мёртвой хваткой.

При этом коллективный Шура не дурак. Он, знаете ли, всё понимает. Что именно? Ну, например то, что его благоденствие не может не порождать нищеты и страдания сотни

Шура или шура

миллионов граждан России.

А ещё он не может не понимать, что это благоденствие несовместимо с жизнью России.

Понимает Шура и другое. То, что поворот ста миллионов граждан России в сторону всего, что связано с СССР, несовместим с продолжением этого благоденствия. Поэтому коллективный Шура может не любить Николая Карловича Сванидзе или Леонида Михайловича Млечина. Но этот Шура точно понимает, что Сванидзе и Млечин отстаивают его коллективные интересы. И чем больше Шура вживается в роль господствующего класса, тем спокойнее Сванидзе и Млечин относятся к тому, что за них (то есть против СССР) голосует 15–20%. Потому что они понимают, что эти 15–20% есть коллективный Шура, вжившийся в роль господствующего класса.

А служить господствующему классу Сванидзе и Млечин будут всегда. Класс может меняться, но идея служения господствующему классу — в крови у таких, как Сванидзе и Млечин. И они преисполнены соответствующего чувства сопричастности. И презрения к тем, кто в этот класс не входит. А также страха перед теми, кто почему-то начинает строить отношения с социальными группами, не входящими в господствующий класс.

Любой театральный режиссёр — это психолог. А театральный режиссёр, ориентированный на постановку спектаклей, призванных обеспечить глубинные психологические процессы и у зрителей, и у актёров, уж тем более не может не быть психологом. Да и политик — это тоже психолог.

Короче, я просто не мог — при любом нападке полемики — не запоминать особые эмо-

циональные маски, которые Сванидзе и Млечин меняли иногда по 10–12 раз в течение одной передачи. Такие маски — это не личины. Это мимический концентрат того или иного фундаментального недоумения.

Яростно бичуя Советский Союз, сталинщину, маразм Петра Великого и Ивана Грозного, разоблачая Александра Невского и так далее, Сванидзе и Млечин, отдыхая в паузах и слушая «этого ужасного Кургиняна», упорно недоумевали, задаваясь одним и тем же внутренним вопросом: «А зачем это всё Кургиняну нужно?»

Время от времени им казалось, что они получали ответы. Но потом моё конкретное поведение в конкретной полемической ситуации (интонация, аргументация и так далее) не оставляли камня на камне от того, что им казалось разгадкой моего поведения. И тогда

снова возникала эмоциональная маска, она же гримаса недоумения. Смысл этой гримасы был таков: «Неужели он настолько глуп, чтобы всерьёз встать на сторону социальных групп, не входящих в коллективного Шуру? То есть в правящий класс? Ведь он же на самом деле не глуп, этот Кургинян. И вполне себе упакован. Так в чём же дело?»

Много лет назад одна супружеская пара, безусловно, входящая в тот коллектив, который именую Шурой, с невероятной настойчивостью стремилась посетить мой дом. Нет, не офис мой, а именно дом. Наконец, они его посетили. Проведя у меня дома несколько часов, супруги явно расслабились. А когда я их провожал к машине, жена разоткровенничалась, спросив: «А знаете, почему мы так стремились посетить ваш дом?» «Нет, не знаю», — ответил я. «А потому что нам очень важ-

Шура или шура

но было определить вашу социальную онтологию», — сказала высокообразованная особа.

Онтология — это вообще-то не быт, а бытие. Но особа, конечно, имела в виду именно быт. Её изысканная формулировка имела очень грубое содержание: мол, мы хотели определить, хорошо ли вы живёте. Благоденствуете ли вы, как мы, или нет.

«А почему это вам было так нужно?» — спросил я.

«Как почему? — сказала особа. — Наши друзья считают, что Вы можете хотеть вернуть совок. Теперь мы им скажем, что при такой социальной онтологии Вы не можете хотеть вернуть совок. И они успокоятся».

Я чуть было не начал обсуждать с семейной парой... Ну, я не знаю, каких-нибудь дебристов... Да мало ли ещё кого. Но воздержался. Во-первых, потому что это суждение

благоденствующей особы носило непререкаемый характер. И непонятно было, зачем её разубеждать. А во-вторых, я вдруг увидел за спиной вполне интеллигентных и благопристойных людей этот самый класс. То бишь коллективного Шуру. Кстати, тогда я и подумал вдруг: «А ведь это именно Шура и именно Балаганов». И тут же мне в голову пришла другая мысль: «Где Шура, там и шура».

Шёл 2002 год.

Подробно рассказав читателю о том, что такое коллективный *Шура*, я просто обязан далее а) хотя бы кратко рассказать о том, что такое *Шура*, и б) раскрыть связь между *шурой* и *Шурой*, доказав, что вовсе не любовь козвучиям подвигла меня на эти странные и, как мне представляется, более чем актуальные размышления.

Вообще-то шура — это совет мусульманских полевых командиров. Уйдя от мусульманской буквальности, мы получаем вообще совет любых полевых командиров.

Что это такое — понять нетрудно. А вот ощутить стихию такой шуры может только тот, кто видел её в действии. Я видел. И это оставило неизгладимый след в моей памяти. Корректности ради должен сказать, что у слова «шура» есть и другое, вовсе не боевое значение. Согласно которому шура — это институт исламского самоуправления.

Стремясь лишить слово «шура» присущей ему кровавой содержательности, автор книги «Освобождение ислама» Гейдар Джемаль восклицает: «*Российская умма* (умма — это мусульманская община — С.К.) является, вероятно, единственной частью мусульманского мира, в которой не реализован

Шура или шура́

утверждённый Святым Кораном институт исламского самоуправления — Шура (Совет мусульман)».

Говоря о том, что не реализуется институт самоуправления, утверждённый Святым Кораном, автор ссылается на Суру Корана «Аш-Шура»: *«То, что дарует Аллах [в будущей жизни], лучше и долговечнее для тех, которые... вершат свои дела по взаимному совету»*. (Коран, 42:38)

Понимая, что этого недостаточно, автор ссылается ещё и на Суру «Женщины»: *«О вы, которые уверовали! Повинуйтесь Аллаху, повинуйтесь Посланнику и тому, кто наиболее достоин власти из вас самих»*. (Коран, 4:59)

Задаваясь вопросом о том, что означает *«наиболее достоин власти из вас самих»* (*«аула-ль амр минкум»*), автор сетует на то,

что ряд комментаторов считает «наиболее достойными из вас самих» эмиров и султанов.

Далее следует, на мой взгляд, очень дерзкое заявление, согласно которому власть эмиров и султанов *«учреждена на родовых началах и носит с точки зрения Ислама узурпационный характер»*. Назвать всех эмиров и султанов узурпаторами по определению и утверждать, что это аксиома ислама... Ну что ж, автор сам отвечает перед саудовскими и иными лидерами, которые, наверное, не считают себя узурпаторами.

Впрочем, Гейдар Джемаль считает узурпаторами не только эмиров и султанов, но и учёных-факихов. А также лидеров политических исламских партий, каковые для него не более чем самоназначенцы, не входящие в *«санкционированную Всевышним структуру духовного авторитета»*.

Установив, далее, что «с точки зрения ислама есть в конечном счёте лишь две партии, которые непримиримо противостоят друг другу: «партия Бога» и «партия сатаны», подчеркнув, что любые мусульманские движения оправданы лишь в том случае, когда они являются структурным подразделением партии Бога», Гейдар Джемаль далее требует, чтобы духовный принцип Тавхид (Единобожия) распространялся и на политику, и на экономику, и считает воплощением этого принципа именно Шуру (Совет мусульман).

Что именно Гейдар Джемаль вкладывает в понятие Тавхид — это отдельный вопрос. Скажу лишь, что его Шура — если она существует — не имеет никакого отношения к той шуре, которую я обсуждаю. И сошлюсь на реальность шуры. Ибо реальность не дол-

жен игнорировать никакой, даже самый высокомудрый исследователь. И это самую реальность — в её оперативном аспекте — надо обсудить так же подробно, как и причины, по которым 4 октября 1993 года и впрямь являются самой чёрной датой в постсоветской истории.

Сергей Кургинян

«Я буду пилить, а вы — пиликать!»

Так ли уж интеллигенция недовольна тем, что Шурка стал альфой и омегой нынешнего постсоветского бытия?

Макс Бекман. Пати. 1931

Итак, какова же реальность шуры, пришествие которой, как я убеждён, почти неизбежно порождается пришествием Шуры?

Даю слово оперативникам.

Март 2001 года.

«По оперативным данным, сегодня Шамиль Басаев и иорданец Хаттаб пытаются подчинить себе все разрознен-

ные банды, до сих пор орудующие в Чечне. Как известно, Басаев, имеющий позывные (клички) «Лысый» и «Байсангур», назначил себя главой «высшего военного меджлиса Шуры (совета)». Его прямой заместитель (аналог «начальника штаба») Хаттаб (позывные «Салех», «Тадж», «Мансур») координирует направления и сектора. По данным разведки, лидерам террористов подчиняются более 40 полевых командиров — членов «Шуры», чьи отряды действуют против российских войск и МВД на семи основных направлениях».

Вот это — реальность шуры в Чечне. Оперативная, так скажем, реальность. А вот другая оперативная реальность, не чеченская, а афганская.

«Формально движение Талибан воз-

главляет Верховная шура, коллегиальный орган, ассоциируемый с г. Кветта на территории Пакистана (*Кветтская шура* или *Шура Кветты*). Однако, по определенным данным, большинство заседаний этой Шуры проходят в г. Карачи.

Номинально Шурой Кветты руководит мулла Мохаммед Омар. Но он тяжело болен (а возможно, уже и мертв). Поэтому о его реальной руководстве этой Шурой не может быть и речи. Хотя продолжают выпускаться воззвания и призывы от его имени.

При этом Кветтская шура, которой якобы подчиняются все остальные шуры, — на деле не более, чем площадка для переговоров. В ходе заседаний периодически происходят конфликты, переходящие в вооружённые стычки. По име-

«Я буду пилить, а вы — пиликать!» 60
ющимся оперативным данным, председа-
телем Кветтской шуры сейчас (на момент
написания текста, который в данном случае
не имеет значения — С.К.) является Хафиз
Абдул Маджид, глава разведки талибов в
1990-х гг.

Кроме Кветтской шуры, существуют
ещё три фронтовых шуры:

1. Гердийская шура, глава — Абдул
Закир, зона контроля — юго-западные
провинции Афганистана, в первую оче-
редь Гельманд и Кандагар, традиционный
оплот Талибана;

2. Мирамшахская шура, управляемая
кланом Хаккани, зона контроля — юг Аф-
ганистана, в т.ч. часть провинции Ка-
бул;

3. Пешаварская шура, нынешнее руко-
водство неизвестно, зона контроля — во-

Я мог бы приводить и другие данные по реальности шуры, не имеющей никакого отношения к тому, что описывает Гейдар Джемаль. Я мог бы также задаться вопросом о том, зачем Гейдару Джемалю, прекрасно понимающему, что такое шура́ де-факто, восхвалять шуру́ как воплощение демократии и высокого религиозного идеала.

Но, обсудив (дабы не быть обвинённым в некомпетентности) всё то, что связано и с благолепной абстракцией шуры, и с мрачной реальностью всей той же шуры, я сразу же после этого дистанцируюсь от всего, что связано с любыми — и теологическими, и оперативными — тонкостями. И заявляю, что для меня шура́ — это знак чего-то резко более обобщённого, нежели всё, что я описал выше. Да, я использую слово «шура́» — пото-

му что то обобщённое, что меня волнует по-настоящему, в наибольшей степени воплощено в оперативной реальности шуры́ — чеченской, талибской или любой другой.

Однако я предлагаю читателю считать шурой в обобщённом смысле этого слова любой совет полевых командиров. Правомочность подобного обобщения определяется особой мощностью и значимостью исламских (а точнее, исламистских) прецедентов шуры́. Но сводить всё к исламизму я вовсе не собираюсь.

Стремясь в этом тексте сочетать аналитическое, политическое и метафизическое начало (а это необходимо, коль скоро текст размещён на полосах, адресующих именно к этим началам), я должен быть и образен, и конкретен. Нет и не может быть метафизики без образов. Образ мой таков.

Коллективный Шура Балаганов (он же криминальный капиталистический класс, порождённый НЭП-1,2,3 и так далее) может существовать в двух ипостасях.

Первая ипостась — мирная. В этой ипостаси данный класс является именно балаганым в полном смысле этого слова. Он кривляется, гримасничает, пилит гири нашей экономики, культуры, науки, социальной жизни, стремясь обнаружить в них нечто, значимое для его тупой и алчной натуры. Он обнаруживает это, безмерно радуется. Если ему мешают это обнаружить, мешают распилить гири, нужные вовсе не для того, к чему он стремится, этот класс огрызается. И порою он может огрызаться даже кроваво. Но пока внутри этого класса встроен стабилизатор — класс будет именно Шурой Балагановым в полном смысле этого слова.

Вторая ипостась того же класса — немирная. Или, точнее, военная. То есть та, с которой я ознакомил читателя в начале этой статьи. Но перед тем как более подробно обсудить эту ипостась, я хочу проанализировать взаимосвязь между двумя словами — пилить и пиликать. Пока Шура — в его мирной пока ещё ипостаси — пилит, кто-то пиликает. И Шура в мирной ипостаси очень нуждается в том, чтобы пиликали.

Раз уж вы перестали жмуриться, то представьте себе этого, пока ещё мирного и всем довольного Шуру, сытого, ухоженного, вооружённого даже не пилой, а пилочкой, напоминающей произведение искусства. Корпус из драгоценных материалов, украшенных бриллиантами... Гравировка, исполненная мастерами своего дела... И так далее.

Шурка, сияя, подмигивая окружающим,

пилит окружающую его российскую действительность, причём так, что его движения легко спутать с виртуозным управлением скрипичным смычком. Ну прямо тебе не Шурка, а какой-нибудь Спиваков.

«Ну вот, — скажет подозрительный читатель, с трудом согласившийся перестать играть в жмурки и стремящийся поскорее вернуться к этой игре, — вы, наконец, проявили свою враждебность к творческой интелигенции как таковой! И на каких-то произвольных основаниях связали воровского Шурку Балаганова с замечательным, никаким воровством не занимающимся дирижёром и скрипачом. Никакой настоящей связи между ними нет. А вы её навязываете через произвольные сопоставления».

Я эту связь не навязываю, читатель. Я, напротив, всячески хочу подчеркнуть отсут-

ствие прямой связи между нашей творческой интеллигенцией — как научной, так и культурной — и коллективным Шуркой Балагановым. Шурка Балаганов пилит, то есть ворует. Делает он это более или менее изящно. Но никакое изящество воровства не меняет содержания данного неблаговидного занятия.

А творческая интеллигенция — в той её части, в которой она не интегрировалась в коллективного Шурку Балаганова, — творит. И не её вина, что она творит в крайне неблагополучном мире. Стоп... Не её вина? А что делать со знаменитым «я отвечаю за всё»? Что делать с апелляцией Некрасова к гражданственности? Что делать с гражданственностью вообще? И потом — так ли уж наша творческая интеллигенция не отвечает за произошедшее? Разве она не поддержала — в подавляющей своей части — пришествие

Шурки Балаганова? Разве она не отреклась от своего советского прошлого? Не стала глумиться над теми произведениями, которые превратили отдельных представителей этой творческой интеллигенции в так называемых властителей дум?

Я должен перечислять вам тех, кто отрёкся от своих собственных творческих свершений? Должен снова вам рассказывать о том, как Окуджава проводил реинтерпретацию собственной песни «Сентиментальный марш» перед тем, как выступить на концерте, восхвалявшем победу бандитов 4 октября 1993 года? Должен перечислять вам имена тех, кто участвовал в этом концерте?

Но и это ещё не всё. Мы никогда не забудем, как госпожа Ахеджакова и ей подобные призывали Ельцина расстрелять Дом Советов. Именно призывали, требовали кро-

ви. Мы никогда не забудем того, как тот же Окуджава заявил: «...Когда я увидел, как Хасбулатова и Руцкого, и Макашова выводят под конвоем. Для меня это был финал детектива. Я наслаждался этим».... Понимаете? Наслаждался!

А бесстыдные мессы потребления, которые наша интеллигенция — и научная, и культурная — стала сотворять, откинув в одночасье свой аскетический прикид предыдущей эпохи? А пакт, заключённый этой интеллигенцией с криминалом? «Ворюга мне милей, чем кровопийца», — сказал господин Бродский. Стоп. Ворюга, между прочим, очень часто бывает кровопийцей. Поэтому подлинный смысл фразы господина Бродского только в одном — в том, что он объясняется в любви к ворюге.

Рассказывать, кто из наших интеллиген-

тов как именно объяснялся в этой любви? Как противопоставлялись идеалы и интересы? Как восхвалялись низменные, шкурные потребности?

Так что наша интеллигенция — вновь повторю, в её преобладающей части — участвовала в сотворении Шурки Балаганова, в его пришествии и воцарении. Поэтому считать её никак не ответственной за шуркизацию страны невозможно. Если бы в момент, когда Шурка начал пилить, эта интеллигенция не благословляла Шурку своими творческими пиликаньями, пришествие Шурки было бы невозможно.

И так ли уж эта интеллигенция недовольна тем, что Шурка стал альфой и омегой нынешнего постсоветского бытия?

Отвечая на этот жизненно важный вопрос, я просто обязан от простейшего пере-

ходить к более сложному. И наконец, к наисложнейшему. Поэтому я не буду смаковать то, как именно от своих героев отказывались авторы идеологизированных произведений. А также то, как вела себя политизированная (то бишь либероидная) творческая интеллигенция в момент преступного палачества власти. Я сознательно возьму наисложнейший случай, сознательно сделаю позицию наиболее уязвимой. И потому вернусь к господину Спивакову как символу полного отсутствия прямого сопряжения между пилящими и пиликающими. И одновременно как к символу косвенного сопряжения этих двух сущностей, одна из которых пилит, а другая пиликает.

Недавно по причинам, которые не интересны читателю, я оказался на концерте Спивакова в Доме Музыки. Меня и тридцать лет назад Спиваков не только не восхи-

щал, но и, напротив, мучительно усыплял. Само название «Виртуозы Москвы» говорило о многом. Ойстрах ведь не виртуоз, правда? Даже Ростропович — и тот не был виртуозом. А уж Рихтер — так тем более.

В самом слове «виртуоз» есть что-то стерильное. И, право дело,озвучное слову «кастрат» (те, кто знает историю классической оперы, смысл этогоозвучия поймёт и на меня не обидится). Я же ценю в музыке вообще и в исполнительской тем более только страсть, которая, как бомба взрывчаткой, начинена неким началом, сочетающим в себе и могущество духа, и ту мощь, которой каstrаты полностью лишены.

Но дело не в Спивакове. Точнее, не только в нём. Весь зал был заполнен коллективным Шурой Балагановым — как высоко благополучным, так и минимально благополуч-

ным. При этом весь Шура Балаганов одинаково ценил благополучие, вне зависимости от его градуса. Ещё недавно этот Шура ни за что не стал бы слушать Баха, Брамса и даже Чайковского — пусть и в безопасном исполнении Спивакова. Но теперь настали другие времена. И сидящие в зале, неотрывно следя за работой смычков (вот ведь как люди пилият! кто на контрабасе, а кто на скрипке!) и боковым зрением наблюдая друг друга — перемигиваются. Опять-таки каким-то почти невидимым, чуть ли не мистическим образом: «Ах, как мы интеллигентны! И как благополучны! И вы благополучны! И мы благополучны! И вы интеллигентны! И мы интеллигентны!»

Спиваков точно знает своё место в этом процессе. А также понимает, что если он изозвьётся чуть-чуть более активно или рука-

ми помашет побойчее, то коллективный Шура Балаганов начнёт аплодировать с особой ретивостью. Спиваков, конечно, этого Шуру бесконечно презирает. Но он благополучен, как и Шура. И тоже является частью данного коллективного Шуры.

Но всё это хорошо до тех пор, пока в тело коллективного Шуры Балаганова, этого коллектора благополучия и благости, съятости и чванства, тупости и самонадеянности, встроен этакий стабилизатор. Представьте себе, идёт этот Шура по дороге жизни и, конечно же, с песней. Вчера ещё этой песней была «Мурка», а сегодня натурально может быть «Песня Сольвейг». Более пресная, конечно же, песенка, но... грят, щас такая мода, тудыть её растудыть...

Впрочем, нашему Шурке-коллектору всё равно, с какой песней идти по жизни. Ему

главное — идти — от одного распила к другому. Нет распила — нет дороги. А это очень тягостно, даже если уже расплено выше крыши. Потому что идти-то надо. А иначе как от распила к распилу идти не можешь. Итак, идёшь ты... И свита за тобой движется. А чуть выше уровня пупка в твоём теле торчит этакий стабилизатор, чем-то напоминающий лазерную указку. Торчит себе и торчит, и всё хорошо. Потом — бац! — и кто-то этот стабилизатор выдернул. Сияющий Шурка распадается на части, взвивается смрадным смерчем и, повернувшись вдоволь, превращается в шурӯ, то есть в совет оскаленных полевых командиров.

И пилить шурá начинает не изящным лобзиком. Она на циркулярных пилах тела распиливает. Иногда мужские, иногда женские, а иногда и детские. Вы не видели, как это

происходит? Вам повезло.

Но уж извините — я кое-что расскажу вам о тех, кому не повезло. А заодно и об инфернальном таинстве превращения Шурки в шурӯ́. Вы ведь перестали жмуриться для того, чтобы увидеть нечто, не правда ли? Ну так — и виждь, и внемли...

Сергей Кургинян

Спецвойна

Хроника «реформирования»

Нынешняя атака на РАН не первая в её истории. Бывало это и до Октябрьской революции, и в советское время

Здание президиума РАН в Москве

В 1914 г. в связи с Первой мировой войной из университетов стали увольнять немецких профессоров, и к началу 1915 г. «чистка рядов» была закончена. В 1916 г. под давлением власти из Академии были исключены иностранные члены, а также ряд подданных

России немецкого происхождения.

В 1918 Научный отдел уже советского Наркомпроса разработал проект коренной реорганизации Академии наук: вместо неё предлагалась ассоциация, объединяющая автономные союзы представителей отдельных научных отраслей. Академии предложили пересмотреть свой собственный Устав, и когда Наркомпрос признал предложения Академии «неудовлетворительными ввиду несоответствия духу времени», учёные обратились к В. И. Ленину.

Ленин тут же предостерёг от реформы: «Нам сейчас вплотную Академией заняться некогда, а это важный общегосударственный вопрос. Тут нужна осторожность, такт и большие знания, а пока мы заняты более проклятыми вопросами. Найдётся у вас какой-нибудь смель-

чак, насочит на Академию и перебъёт там столько посуды, что потом с вас придётся строго взыскивать».

В 1933 г. Академия была переведена из Ленинграда в Москву и подчинена непосредственно Совнаркому СССР.

В 1961 г. следующую реформу Академии затеял Н. Хрущёв. Из Академии были переданы в управление промышленных министерств и государственных комитетов институты, занимавшиеся прикладными исследованиями. А в 1964 г. Хрущёв на пленуме ЦК КПСС заявил, что «Академия наук нам не нужна, потому что наука должна быть в отраслях производства». Однако после отставки Хрущёва эти «реформы» были остановлены.

В 1991 г. новая российская власть попыталась повторить опыт Наркомпроса: распу-

стить Академию и создать ассоциацию институтов. Однако эта попытка была отбита.

В 2003 г. структура Академии была пересмотрена — в целях «оптимизации» в два раза сократили количество отделений по областям и направлениям науки.

Возглавивший Минобрнауки в 2004 г. А. Фурсенко предложил резко сократить количество научных центров, финансирующихся государством, и оставить финансирование только для «эффективных» центров, причём организовать в них конкурсный механизм финансирования научных программ. Эта реформа также «не прошла».

В 2006 г. ведомство Фурсенко подготовило новый проект, по которому РАН лишилась прав на управления имуществом, а полномочия по учреждению научных институтов передавались новому органу — «Федеральному

агентству по фундаментальным исследованиям» (отметим, почти полный аналог нынешней «реформы»). Часть институтов РАН планировалось оставить на государственном балансе, часть — интегрировать с университетами или с бизнес-структурами.

В итоге руководство РАН подписало с А. Фурсенко «Концепцию модернизации структуры, функций и механизмов финансирования российской науки», в которой основные позиции и функции Академии сохранились, но были и заметные новации. Согласно поправкам к закону «О науке и государственной научно-технической политике», вступившим в силу в конце 2006 г., президента РАН, избранного академиками, утверждает президент РФ, а Устав академии, а также кандидатуры президентов отраслевых академий утверждает правительство.

В феврале 2007 г. общее собрание РАН отвергло предложенный правительством проект устава РАН, по которому Президиум РАН лишался финансовых и административных полномочий, а управление передавалось в наблюдательный совет, состоящий, в основном, из представителей власти. В итоге Правительство утвердило устав в версии РАН, где признавалось, что академия имеет госстатус и является самостоятельным субъектом бюджетного планирования.

27 февраля 2008 года Правительство утвердило программу фундаментальных исследований, в которой Академии на пять лет было выделено всего 253 (!!!) млрд руб. то есть гораздо меньше, чем годовой бюджет крупного американского или европейского университета.

В 2010 г. из недр Минобрнауки вновь ста-

ли поступать заявления о том, что РАН никуда не годится и должна быть ликвидирована.

24 марта 2013 г. в эфире «Эха Москвы» глава Минобрнауки Д. Ливанов сказал об Академии наук следующее: «*Такая форма организации науки в XXI веке бесперспективна. Она не будет жить, она неизнеспособна. Но у нас она живёт. И эта жизнь, она ещё какое-то время продлится... То, что от меня зависит, я буду делать, для того чтобы эта ситуация изменялась... Мировое лидерство в науке сегодня имеют те страны, в которых наука устроена по-другому... Принципиальное различие в том, что роль интеллектуальных центров, центров производства новых знаний играют университеты».*

Академики в открытом письме потребо-

вали от министра извинений. Ливанов ответил: «Если мои слова обидели кого-то из учёных..., то я об этом искренне сожалею... В целом система организации работы учёных РАН не является современной, не является эффективной, не соответствует мировым стандартам. И ответственность за это несёт само руководство Академии наук».

После этого академики Ж. Алфёров и В. Фортов покинули Общественный совет при министерстве. Жорес Алфёров объяснил своё решение в открытом письме: «Традиции эффективного сотрудничества Российской академии наук и вузов нашей страны сохраняются столетиями и развиваются Академией наук и все последние годы. К сожалению, господин Ливанов либо не понимает этого, либо, что ещё хуже, со-

значительно пытается разорвать науку и образование».

27 июня 2013 г. правительство РФ одобрило законопроект реформы РАН, предложенный якобы (?) Минобром. При этом премьер Д. Медведев заявил, что РАН «уже не в полной мере соответствует современным задачам развития страны», и что учёных избавят от «несвойственных функций управления имуществом и коммунальным хозяйством».

Законопроект предполагал полную ликвидацию РАН и создание вместо неё некоторой «общественно-государственной организации», куда войдут РАН, Российская академия медицинских наук и Российская академия сельскохозяйственных наук. Управлять имуществом научных институтов бывших академий назначалось специально со-

зданное агентство. Вводился трёхлетний мораторий на избрание академиков, а нынешние члены-корреспонденты академий сразу получали звание академиков. Но это звание переставало быть пожизненным и неотчуждаемым.

При этом по законопроекту, объединённая «общественно-государственная» РАН имела лишь функцию экспертизы крупных научно-технических программ и проектов, в том числе финансируемых государством, директора институтов РАН назначались правительственными чиновниками, а Общее собрание РАН становилось лишь второстепенным органом управления, имевшим функцию утверждения ежегодных докладов президенту и правительству о состоянии науки в стране.

Такой радикальный «реформистский» законопроект Госдуме предлагалось принять во

всех трёх чтениях до окончания весенней сессии, то есть практически за неделю.

Совет по науке при Минобрнауки призвал провести обсуждение реформы: «*Мы считаем неправильным, что закон, коренным образом меняющий систему организации науки в Российской Федерации, готовился и рассматривался без обсуждения с научной общественностью*».

Руководство Сибирского отделения РАН написало обращение, потребовав немедленной отставки Д. Ливанова и «*проведения открытого и гласного обсуждения имеющихся проблем с участием всех членов государственных академий наук и научного сообщества России*».

Профсоюз работников РАН направил телеграмму Путину с требованием вернуть «*обсуждение законопроекта о реорганизации*

науки... в нормальное русло с учётом общественности, соблюдением законодательства и сроков при прохождении законопроекта в Государственной думе».

1 июля Президиум РАН заявил, что «в случае реализации реформы будет создана аморфная и непонятно как управляемая организация». Но на следующий день Госдума приняла закон в первом чтении.

3–4 июля президент В. Путин встретился с главой РАН В. Фортовым, главой РАМН И. Дедовым, главой РАСХН В. Романенко, академиком Е. Примаковым и ректором МГУ В. Садовничим. По итогам встречи В. Фортов заявил о том, что выработаны компромиссные поправки к закону о реформе РАН. Суть согласованных поправок Фортов обозначил так: на переходный период пост президента РАН и руководителя Агентства по управле-

нию имуществом академии будет совмещён. Директора институтов РАН будут назначаться экспертным органом при Совете при Президенте РФ по науке и образованию. Институт членов-корреспондентов будет сохранён в течение трёх лет. Объединение РАН, РАСХН и РАМН будет постепенным.

5 июля Дума приняла законопроект о реформе РАН во втором чтении. В поправках к закону РАН получила статус государственного бюджетного учреждения, а звание члена-корреспондента должно быть упразднено в течение трёх лет.

Академия «взбунтовалась». Учёные в прессе и в своих собраниях подвергали закон сокрушительной критике и даже организовали уличные протесты в Москве и других крупных «научных» городах.

После нескольких встреч с учёными в ав-

густе президент признал, что соглашается с предложениями главы РАН В. Фортова по реформе академии. А 9 сентября на общем собрании РАН была принята резолюция с просьбой к ГД принять в качестве поправок к закону о реформе РАН «*предложения, подготовленные президиумом РАН и одобренные президентом России*».

Поправки президиума РАН состояли в следующем:

- отказаться от ликвидации РАН;
- сохранить научные институты в подчинении академии при передаче её имущества во вновь создаваемое федеральное агентство, которое должен возглавить президент РАН;
- сохранить за региональными отделени-

ями академии статус юридических лиц с отдельной строкой финансирования;

- для объединения РАН с академиями медицинских и сельскохозяйственных наук отвести период не менее трёх лет;
- статус аcadемиков и членов-корреспондентов определять Уставом РАН.

17 сентября Госдума приняла решение вернуть проект закона о реформе РАН во второе чтение, но уже 18 сентября — то есть опять-таки без какого-либо серьёзного думского и тем более академического и общественного обсуждения — приняла закон сразу во втором и в третьем, окончательном, чтении. При необходимых 226 голосах «за» высказался 331

депутат, против — 107, воздержался 1 человек.

Президент РАН В. Фортов отметил, что «среди отклонённых поправок — принципиальная, утверждённая высшим органом академии — Общим собранием. Она заключается в следующем: академические институты в их научно-организационной части управляются академией, а их имущественный комплекс передаётся Агентству научных институтов РАН».

25 сентября закон был утверждён Советом Федерации, 27 сентября — подписан Президентом. По этому закону, институты РАН, Российской академии медицинских наук, Российской академии сельскохозяйственных наук будут переданы в ведение Федерального агентства по управлению имуществом РАН, за исключением институтов Дальневосточ-

ного, Сибирского и Уральского Отделений РАН.

За РАН сохраняется функция главного распределителя бюджетных средств, выделенных на её региональные отделения, которые получают статус федеральных государственных бюджетных учреждений.

Полномочия действующего главы РАН В. Фортова сохраняются в течение трёх лет после первого общего собрания реформированной РАН. Агентство, в ведение которого отойдёт имущество РАН, подчиняется правительству, но его руководитель назначается на должность и освобождается от должности по согласованию с президентом.

В числе основных задач РАН в законе названы «проведение фундаментальных и поисковых научных исследований, финансируемых за счёт средств бюджета, уча-

стие в разработке и согласовании программы фундаментальных научных исследований в РФ на долгосрочный период»; РАН также надеяется функциями «экспертизы научно-технических программ и проектов».

Мария Рыжова

Академии наук и их аналоги — мировой опыт

Первым русским иностранным членом Парижской академии был Пётр I, который строил Императорскую Академию в Петербурге именно по парижскому образцу

В США фундаментальная наука сосредоточена в государственных исследовательских лабораториях и институтах, университетах, исследовательских подразделениях крупных корпораций, а также в некоторых частных бесприбыльных организациях (фондах).

Основное федеральное агентство, в задачу которого входит поддержка фундаментальной науки, — Национальный научный фонд (NSF), учреждённый Конгрессом в 1950 году для «содействия развитию науки, для улучшения здоровья нации, её процветания и благосостояния; для укрепления национальной обороны...». Работой фонда руководят правление и директор, которые назначаются президентом США и утверждаются Сенатом.

NSF финансирует примерно 20% фундаментальных научных исследований, прово-

димых в университетах и колледжах при поддержке правительства США. В некоторых отраслях (математика, информатика и общественные науки) этот фонд — главный источник госфинансирования. NSF субсидирует совместные исследования научно-исследовательских центров, международные исследования, арктические станции, океанские суда, лаборатории, и ещё ежегодно выплачивает несколько тысяч стипендий.

Помимо NSF, свои программы финансирования и поддержки фундаментальной науки также ведут Национальный институт здоровья, Министерство энергетики, НАСА, Министерство обороны, Министерство сельского хозяйства и Министерство национальной безопасности. В целом в США по государственным каналам финансируется от 50 до 60% фундаментальных исследований.

Источники финансирования науки в США распределяются следующим образом (данные ЮНЕСКО на 2010 г.): 27% — федеральное правительство, 67% — частный сектор, 7% — местное самоуправление, университеты, частные бесприбыльные организации. При этом 17% всего финансирования идёт на фундаментальные исследования, 22% — на прикладные, остальное (60%) — на разработку конечного продукта.

Академия наук в США также существует, однако только в статусе консультативного органа по вопросам науки, в который входят крупные учёные. Собственных исследований Академия не ведёт, финансируют её фонды Форда, Рокфеллера, Слоуна, а также частично NSF.

Основной акцент в научно-технологической политике США делается на

Акад. наук и их аналоги — мир. опыт 100 инвестициях в разработки, обеспечивающие доведение научных идей до продаваемого рыночного продукта (НИОКР). Так, в 2011 году на долю США пришлось 34% мировых расходов этого типа.

Великобритания входит в число стран с наиболее высокой долей затрат на НИОКР в ВВП и обладает одной из наиболее эффективных систем управления наукой. Научные исследования проводятся в государственных институтах и центрах, университетах (среди которых особую роль играют «старейшие» университеты — Кембриджский и Оксфордский), в научно-технических подразделениях корпораций. В 1915 году в Англии была создана первая современная бюрократическая система управления наукой — Департамент научных и промышленных исследований.

Государство остаётся основным источни-

ком финансирования НИОКР, которое осуществляет через бюджеты департаментов и министерств, например:

Департамент инноваций, университетов и школ (DIUS) — отвечает за качество преподавания в колледжах и университетах, а также за научные инвестиции

Министерство обороны (МО) выделяет ресурсы для различных научно-исследовательских учреждений и координирует политику и программы НИОКР и ОКР в своей области.

Государственное финансирование науки осуществляется также через так называемые финансовые советы (многие из которых финансируют исследования не только в стране, но и за рубежом. В Англии активно действуют, в том числе Совет по финансированию Высшего образования в Англии

Акад. наук и их аналоги — мир. опыт 102
(HEFCE) отвечает за распределение государственных средств для обучения, исследования и смежных видов деятельности в университетах и колледжах; Совет по исследованиям в искусствознании и гуманитарных науках (AHRC) оказывает поддержку исследованиям в области искусства и гуманитарных наук; Совет по исследованиям в биотехнологии и биологических науках (BBSRC) — основной спонсор фундаментальных и стратегических биологических исследований; Совет по инженерным и физическим научным исследованиям (EPSRC) — осуществляет финансовую поддержку исследований и подготовки кадров в области техники и естественных наук. Также действуют Совет по экономическим и социальным исследованиям (ESRC), Совет по медицинским исследованиям (MRC), Совет по исследованию окружаю-

Акад. наук и их аналоги — мир. опыт 103
щей среды (NERC), Совет по науке и технике (STFC), который является одной из крупнейших в Европе междисциплинарных научно-исследовательских организаций по поддержке учёных и инженеров по всему миру. Она охватывает исследования в астрономии, физике элементарных частиц, космических науках, ядерной физике и обеспечивает доступ в Великобритании к проведению исследований мирового класса.

Существует несколько научных ассоциаций, выполняющих главным образом экспертные и просветительские функции, и которые можно рассматривать в качестве аналогов российских академий, в том числе Королевское общество — национальная Академия наук Великобритании и стран Содружества (полностью финансируется государством, но в принятии решений независима и

Акад. наук и их аналоги — мир. опыт 104
автономна); Британская академия — Национальная академия гуманитарных и социальных наук; Королевское географическое общество; Королевская инженерная академия; Королевское астрономическое общество; Британского общество по истории науки.

Самой значительной из этих организаций является Королевское общество, точнее — Лондонское королевское общество по развитию знаний о природе, созданное в середине XVII в. зятем Кромвеля философом и лингвистом Джоном Уилкинсом из розенкрайцерского «Незримого общества», в которое кроме Уилкинса входили такие выдающиеся учёные, как физики Роберт Бойль и Роберт Гук, математик Джон Уоллис и один из основоположников политэкономии Уильям Петти. Сегодня Королевское общество по своему значению в науке Великобритании является ана-

Акад. наук и их аналоги — мир. опыт 105
логом нашей РАН. Оно объединяет более тысячи ведущих учёных страны и иностранных членов, входит в британский Совет по науке и является важнейшим экспертным органом при определении основных направлений национальной научной политики.

В Германии система управления научными исследованиями рассредоточена между федеральным уровнем и уровнем земель.

На федеральном уровне научно-техническую политику формирует Федеральное министерство образования и научных исследований, а за создание и внедрение инноваций отвечает Министерство экономики и технологий. На региональном уровне формирование научной политики возложено на Министерство образования и Министерство экономики.

Единого органа, координирующего всю

Акад. наук и их аналоги — мир. опыт 106
научную политику, в Германии нет. На этом уровне работает только Немецкий совет по науке, который консультирует федеральное правительство по вопросам научных исследований и высшего образования (функции, близкие к Академии наук США).

На уровне земель действует Союз немецких академий наук, в который входят Академия наук Северного Рейна-Вестфалии в Дюссельдорфе, Баварская академия наук в Мюнхене, Академия наук Берлин-Бранденбург, Саксонская академия наук в Лейпциге, Академия наук в Гейдельберге, Академия наук в Гётtingене, Академия наук и литературы в Майнце.

Кроме того, в Галле расположена Академия естественных наук «Леопольдина», которая не входит в Союз Академий и представляет собой старейшее общество немец-

Акад. наук и их аналоги — мир. опыт 107
ких учёных-естествоиспытателей, основанное в 1652 году. Научно-политический профиль «Леопольдины» — консультационные услуги германским политикам и поддержание зарубежных научных контактов.

Научные исследования (фундаментальные или прикладные) в Германии, кроме Союза академий и множества университетов, проводят четыре крупных государственных научно-исследовательских организаций: Общество Макса Планка (фундаментальные исследования широкого профиля), Общество Фраунгофера (прикладные исследования по заказам корпораций и предприятий), Ассоциация Гельмгольца (комплекс исследовательских центров научно-технического и биолого-медицинского направления) и Ассоциация Лейбница (в основном социально-экономические, психологические и политиче-

Крупнейшая из этих организаций — Общество Макса Планка. Оно включает в себя 80 научно-исследовательских институтов и организаций с общим кадровым составом более 20 тысяч сотрудников, и способно проводить такие исследования (в том числе междисциплинарного характера и с очень высокими затратами), которые «не по зубам» университетам и подразделениям Академий.

Общество Макса Планка, как и наша РАН, находится на бюджетном финансировании и проводит важнейшие фундаментальные исследования. Но одновременно оно имеет в полной собственности всё своё имущество, а также обладает автономией в выборе направлений и содержания исследований. Эта автономия ограничена лишь центральным органом Общества под названием Сенат, ку-

да, кроме 22 ведущих учёных, входят 10 политиков и государственных чиновников, 7 представителей общественных организаций и профсоюзов, 6 представителей финансовых организаций и 4 представителя бизнеса.

Во Франции первую в Европе Академию наук в 1635 году учредил кардинал Ришелье. И поставил перед ней важнейшую задачу для тогдашней страны, раздираемой этническими, религиозными, династическими и регионально-диалектными конфликтами: создание единого словаря французского языка.

Собственно Академия наук, основанная Ж. Б. Кольбером в 1666 году, до 1793 называлась Королевской академией наук, а также Парижской академией, и вскоре начала формировать ряд специализированных отделений, позже превратившихся в самостоятельные Академии.

Пять академий, работавших во Франции до Великой Французской революции (Французская академия, Академия надписей и медалей, Академия естественных наук, Академия живописи и скульптуры и Академия архитектуры), в 1793 году были упразднены Национальным Конвентом. Но уже в 1795 году Директория учредила Национальный институт наук и искусств, который состоял из отделения физических и математических наук, отделения моральных и политических наук, и отделения литературы и искусств.

Наполеон Бонапарт в 1803 г. приказал закрыть отделение моральных и политических наук, а третье отделение раздел на самостоятельные отделения («классы»): французского языка и словесности, древней истории и литературы, искусств.

В 1806 году Национальный институт на-

ук и искусств был переименован в Институт Франции, в 1816 году его классам-отделениям было возвращено название академий, а в 1832 году в составе Института Франции была воссоздана Академия моральных и политических наук с секциями:

- философии;
- моральных наук;
- социальных наук;
- законодательства, публичного права и юриспруденции;
- политэкономии, статистики и финансов;
- истории и географии;
- общей секции.

При этом собственно Парижская Академия наук продолжала работать в составе пяти отделений физико-математических наук и шести отделений химических и естественных наук (к которым уже в XX веке, в 1918 г., добавилось отделение применения науки в промышленности).

Примечательно, что первым русским иностранным членом Парижской академии был Пётр I, который строил Императорскую Академию в Петербурге именно по парижскому образцу. В разные годы членами и членами-корреспондентами французской Академии наук также были русские учёные К.М.Бэр, В.И.Вернадский, А.М.Ляпунов, Д.И.Менделеев, И.И.Мечников, М.В.Остроградский, И.П.Павлов, Д.Н.Прянишников, П.Л.Чебышёв.

Новые члены Академий во Франции при-

нимаются на их собраниях, но результаты выборов утверждаются президентом Франции.

На сегодняшний день во Франции главной организацией, развивающей фундаментальную науку, является Национальный центр научных исследований (НЦНИ, Centre National de la Recherche Scientifique, CNRS). CNRS в десятках своих секций и множестве исследовательских институтов объединяет тысячи учёных. Его государственный статус и финансирование, а также высокая степень научной автономии весьма близки к статусу Общества Макса Планка в Германии, а также недавнему статусу РАН.

Примечательно, что бывший президент Франции Николя Саркози в начале своей деятельности на этом посту пытался инициировать реформу CNRS в духе нынешней российской. Однако после того как учёные вышли

на улицу и вывели на неё массовый студенческий протест, Саркози отступил.

В Китае Академия наук была создана в 1949 году в Пекине на базе Центральной научно-исследовательской академии в Нанкине и Пекинской научно-исследовательской академии. При этом большую помощь в подготовке кадров и развертывании исследований Академия наук КНР на начальном этапе получила от АН СССР. Соответственно, по функциям и организационной структуре АН КНР близка к АН СССР и РАН. Основное отличие в том, что гуманитарных исследований АН КНР не проводит.

АН КНР является ведущим китайским центром фундаментальных исследований в области естественных наук, объединяет 84 НИИ и два университета и включает в себя пять отделений: математических наук; физи-

Акад. наук и их аналоги — мир. опыт 115
ческих наук; химических наук; наук о Земле;
технических наук.

Управляется АН КНР Академическим со-
ветом, который руководит отделениями АН и
избирает постоянный комитет из восьми че-
ловек (президента, шести вице-президентов
и генерального секретаря). Кроме того, Ко-
митету отраслевых отделений Академии на-
ук КНР, который состоит из всех академиков
страны, отведена роль высшего консульта-
тивного органа Китая в научно-технической
сфере.

В последние годы АН КНР быстро нара-
щивает и масштабы исследований, и «науч-
ный вес» в мировой табели научных рангов.
Так, только за 2012 году количество китай-
ских публикаций в журнале Nature возросло
на 50%. И если до 2012 г. лидером стран АТР
по количеству опубликованных научных ра-

бот был Токийский университет, то к январю 2013 года Академия наук КНР превзошла Токийский университет, заняв по числу научных публикаций первое место в АТР.

Мария Подкопаева

Наука как один из основных факторов современного общественного развития

Если затраты на бомбы или ракеты и власти, и большинству общества понятны — это обеспечение гарантий выживания и безопасно-

сти страны и её народов, то уже к проектам типа полётов на Марс или адронного суперколлайдера и у власти, и у общества возникают серьёзные вопросы

Полемика, развернувшаяся вокруг беспрецедентного законопроекта (а сейчас уже закона) о так называемой реформе РАН в прессе, на радио, телевидении, в интернете, обнаружила одно удивительное обстоятельство. А именно: наше, недавно одно из наиболее образованных в мире, общество переполнено (включая не только журналистов, но иногда и научных работников) совершенно наивными и искажёнными представлениями и мифами о том, чем является наука вообще и академическая наука в частности, как она исторически складывалась в нашей стране и за ру-

бежом, какие выполняет функции и как работает целостный и эффективный «научный организм».

Именно это отсутствие в обществе реальных представлений о науке и её роли, видимо, и стало тем обстоятельством, которое позволило нашим властным горе-реформаторам навязать обществу ошибочное и глубоко вредное законодательное решение.

Поэтому серьёзно и внимательно обсудить вопрос о науке и её Академиях — насущно необходимо. Необходимо хотя бы потому, что свежепринятый закон о РАН необходимо менять.

Однако менять надо не только этот закон, но и множество других законов, определяющих политику в российской науке в целом, а также в других сопряжённых с наукой сферах нашей действительности. Менять, в ко-

нечном итоге, надо очень многие элементы этой нашей действительности, которые привели к такому состоянию страны и к возможности принятия такого закона.

Итак, о науке вообще, об академической науке и о их роли в общественном прогрессе.

Наука Нового времени

Историческая хронология выделяет в истории человечества такой период, который называется Новое время или Модерн. Начало Нового времени обычно датируется XVI веком.

Не вдаваясь в исторические и философские споры о названиях и датах, подчеркнём, что один из главных признаков, по которому производят такое историческое разделение

ние, — тот, что наука на этом этапе становится решающим фактором экономического, социального, политического развития. Поскольку именно научные открытия определяют появление тех разнообразных новых технологий, которые в Новое время кардинальным образом наращивают могущество человечества и его способность к понимающему преобразованию природы и общества.

В этот период массово возникают устойчивые сообщества учёных, которые целенаправленно занимаются исследованиями, и собирающиеся вокруг крупного исследователя научные школы. В этот период появляется и приобретает особую социальную роль большинство ныне существующих академий и университетов.

В этот период возникает достаточно массовое понимание того, что учёный — это не

просто много знающий и уважаемый человек, а в определённом смысле ещё и верховный судья общества и в настоящем, и в будущем. Неслучайно уже в начале Нового времени британские монархи начали присваивать крупнейшим учёным (например Ньютона) высшие дворянские титулы.

Но такое представление об учёном и науке возникло не «из воздуха». Оно опиралось на то, что наука не только всё более широко и ясно отвечала на возникающие у общества вопросы об устройстве мироздания (фундаментальные теоретические и экспериментальные исследования и открытия). Наука одновременно давала конкретные рекомендации по применению полученного знания в человеческой практике преобразования мира и развития производительной мощи общества (прикладные исследования, изобрете-

ния, инженерные разработки, эффективные технологии, приборы, машины).

Подчеркнём, что обе названные роли науки: теоретический ответ на фундаментальные вопросы бытия и практические технологические выводы из полученного ответа — принципиально неразрывны.

В этом смысле очень показателен афоризм, автором которого считают крупного немецкого физика Роберта Кирхгофа, знакомого большинству из нас по школьному курсу физики (закон Кирхгофа для электрических цепей). Кирхгоф заявил: «Нет ничего практичеснее хорошей теории». А другие учёные — и теоретики, и прикладники — впоследствии постоянно подчёркивали, что единственный источник, из которого могут постоянно питаться и расти прикладная наука и технологии — это фундаментальные исследова-

ния, которые обеспечивают теоретическое понимание природы процессов и явлений.

Гигантский рывок в развитии человечества, произошедший в XVI–XIX веках Нового времени, решающим образом связан с развитием науки и научно обоснованных и разработанных технологий.

Новейшее время

Новейшее время, которое историки обычно отсчитывают с 20-х годов XX века, придало науке ещё более высокий статус. Именно с этого времени, анализируя экономическую, социальную, культурную динамику человечества, философы-обществоведы всё чаще и увереннее заявляют, что наука становится (или уже стала) самостоятельной, при-

чём решающей производительной силой современности. А сообщество учёных в высоко развитых странах оказывается одним из важнейших факторов влияния на государственную политику во всех отраслях: от обороны до экономики и от образования до культуры.

При этом наука по мере постановки сложнейших вопросов мироздания оказывается всё более массовым человеческим занятием.

В Новое время большинство крупнейших научных прорывов делали гениальные широко образованные учёные-одиночки (от Ньютона, Лейбница, Эйлера, Ломоносова, Линнея и т.д. — до Максвелла, Резерфорда, Дарвина, Менделя и пр.). Однако в Новейшее время ситуация неуклонно менялась. Для следующего научного прорыва требовалось не только освоить и осмыслить гигантский массив накопленного человечеством знания

в определённой области науки, но и объединить усилия больших групп учёных на разных направлениях исследований и с использованием разных (теоретических и экспериментальных) методов. И потому на сегодняшний день крупное открытие, совершенное учёным-одиночкой, — явление уникальное.

Неслучайно такие уникальные явления очень бурно обсуждаются и в научном мире, и в широких кругах общества. Например так, как обсуждается достижение гениального питерского математика Григория Перельмана, сумевшего решить одну семи из так называемых великих математических проблем — «трёхмерную проблему Пуанкаре», над которой более века безуспешно трудилась вся мировая наука.

Однако повторю: достижение Перельмана

— это очень редкое исключение из общего правила. А правило современности заключается в том, что над крупными научными проблемами одновременно трудится множество разных научных коллективов в разных странах мира, объединяющих теоретиков и экспериментаторов, «поисковиков» и «прикладников», причём с использованием различных подходов, методов, инструментария.

Так, чтобы сделать ядерную бомбу или энергетический ядерный реактор, или космический корабль, понадобились многие годы работы тысяч учёных разных специальностей: математиков, физиков, геологов, химиков, материаловедов и т.д. Плюс также усилия десятков тысяч инженеров и целой армии квалифицированных рабочих. А сейчас, чтобы попытаться решить проблему бозона Хиггса — «фундаментальной частицы

миrozдания», — понадобились многие сотни учёных, теоретиков и экспериментаторов из многих стран мира, тысячи инженеров-проектировщиков и технологов, а также гигантское сооружение под названием адронный суперколлайдер.

Зачем именно такая наука?

Но ведь всё это — многомиллиардные финансовые затраты, которые, даже если они распределяются по разным странам, совсем не безболезненны для их экономик. И если затраты на бомбы или ракеты и власти, и большинству общества понятны — это обеспечение гарантий выживания и безопасности страны и её народов, то уже к проектам типа полётов на Марс или адронного суперкол-

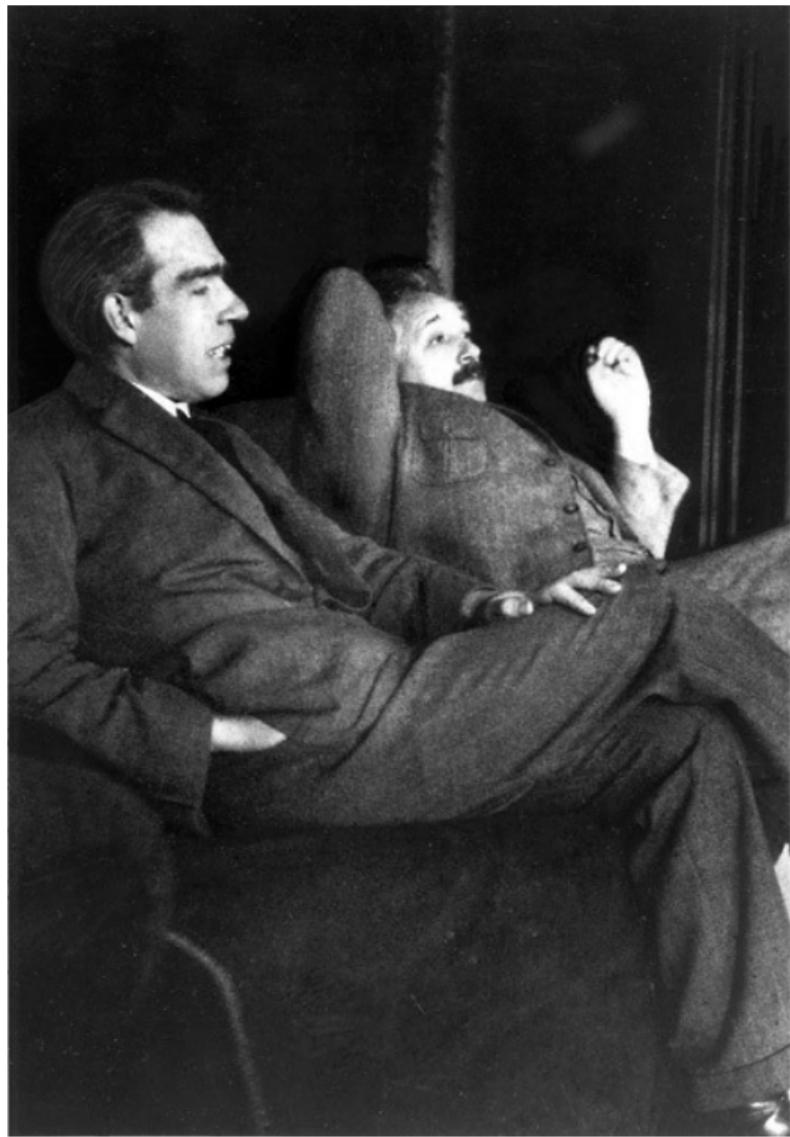
лайдера и у власти, и у общества возникают серьёзные вопросы.

Первый из этих вопросов формулируется так: а зачем это нужно, и что это даст (стране, народу, экономике и т.д.)? И учёным нередко приходится отвечать, что сегодня или завтра, возможно, ничего не даст или даст достаточно скромный побочный результат в виде какой-то новой технологии узкого применения. Но может дать и очень, очень много: крупнейшие прорывы в понимании мира-устройства, предоставляющие принципиально новые возможности создания следующих поколений технологий, выводящих человечество на новую ступень развития.

Второй вопрос, непосредственно связанный с первым: а зачем обществу содержать за немалые деньги огромное количество теоретиков, которые занимаются вроде бы уже

совершенно отвлечёнными математическими, физическими и прочими проблемами? Учёные объясняют, что все эти кажущиеся отвлечёнными теоретические результаты в итоге позже могут оказаться не просто востребованы, но и предоставить научные инструменты для создания новых направлений науки и технологий.

Например, математические достижения XIX века вроде гиперболической геометрии или матричного исчисления в момент их появления казались отвлечённой игрой теоретического ума. Однако уже в начале XX века гиперболическая геометрия стала одной из основ теоретического аппарата Общей теории относительности (ОТО) Эйнштейна, а матричное исчисление — одной из основ теоретического аппарата квантовой механики Гейзенberга.

Нильс Бор и Альберт Эйнштейн

Эти физические теории также вначале казались «отвлечённой игрой ума», не имеющей отношения к нашей земной действительности. Однако эти теории, кроме их сугубо познавательной ценности, уже через полвека получили вполне весомые технологические приложения.

Так, сегодняшняя астрофизика и астрономия уже не могут обойтись без учёта в данных своих экспериментальных наблюдений особых гравитационных эффектов, описанных ОТО.

А квантовая механика вкупе с разработанной в XIX веке теорией строения кристаллических структур (также когда-то считавшейся «чистой игрой ума») стали, во-первых, основой современной микроэлектроники — от компьютеров и новых классов высокоточных измерительных приборов до сотовых телефо-

нов, спутниковых навигаторов и множества других «гаджетов», которыми сегодня хва-стаются друг перед другом не только дети, но и взрослые. И, во-вторых, та же кванто-вая механика стала одной из базовых науч-ных дисциплин для получающих всё более интенсивное развитие нанотехнологий.

В связи с этим отметим, что главные науч-ные и технологические результаты современ-ности достигаются, как правило, на стыках как бы разных наук: математики, физики, хи-мии, теории материалов и т.д. То есть для со-временного научного прорыва чаще всего тре-буется сконцентрировать на одном направле-нии исследований не только теоретиков, эх-периментаторов, поисковиков и прикладни-ков определённой специализации, но и учё-ных разных специализаций.

Таким образом, сегодняшняя наука, во-

первых, делается в основном не одиночками, а достаточно крупными коллективами. Которые как коллектив должны быть знакомы со всеми новейшими достижениями своих коллег из других аналогичных коллективов как в собственной стране, так и за рубежом. А это в нынешних условиях гигантских научных информационных потоков уже само по себе непростая задача.

Во-вторых, современному научному коллективу требуется ещё и понимание того, что происходит на смежных научных направлениях и в сопряжённых научных отраслях.

А это в совокупности предъявляет новые — и всё более сложные — требования и к организации работы научных коллективов как целостной системы, и к каждому учёному.

Как избежать разрывов в такой системности, для современной науки — одна из самых

актуальных задач. Которую в постсоветской науке, похоже, отодвинули на задний план, и которая сейчас, похоже, интересует лишь небольшую часть состава РАН...

Павел Расинский

Кто и как делает науку

Когда наука в ходе промышленных революций предъявила себя как главный источник промышленного, а далее и социального развития, учёные начали приобретать всё больший авторитет в обществе. И власть не могла не пытаться поставить этот авторитет себе на службу

Организация научных исследований

К современному учёному (имеется в виду настоящий учёный, а не случайный обладатель научных степеней и регалий) и его собственная наука, и общество предъявляют достаточно сложные, жёсткие и многоплановые требования.

1. Он, безусловно, должен не просто обладать широкими и глубокими знаниями по своей научной специальности, но и непрерывно пополнять, уточнять, углублять эти знания.

2. Он, далее, должен знать и понимать, что происходит в «родственных» научных коллективах в его стране и за рубежом.

3. Он должен хотя бы боковым зрением следить за развитием исследований и результатами, которые получают его коллеги в

смежных научных дисциплинах, а также в тех других отраслях науки, на стыке с которыми можно ожидать прорывной научной новизны.

4. Он, наконец, должен иметь доступ и способность эффективно пользоваться той материально-технической базой (от компьютеров до реактивов и от мастерских до крупных лабораторных установок), которая обеспечивает весь спектр его теоретических, экспериментальных и прикладных исследований.

Уже перечисленное выше в современных условиях взрывного накопления научных знаний (неслучайно давно возникло и бурно обсуждается понятие-метафора «гигабайтная бомба») оказывается для учёного-одиночки практически невозможным.

Именно потому минимальной исследо-

вательской единицей в современной науке, которая обеспечивает учёному первые два из перечисленных «должен», как правило, оказывается коллектив-лаборатория или коллектив-отдел. А исследовательской единицей следующего уровня, обеспечивающей все перечисленные выше «должен», становится научно-исследовательский институт или университет.

Сейчас в дискуссиях о путях развития российской науки нередко говорят и пишут, что реальных научных прорывов практически всегда добивается не учёный-одиночка и не институт, а именно конкретная лаборатория. При этом, как правило, ссылаются на опыт США, где якобы вся наука делается в лабораториях.

В таких высказываниях есть два рода лукавства.

Во-первых, в США слишком часто называют лабораториями не только действительные коллективы лабораторного типа (как правило, в крупных частных корпорациях и университетах), но и государственных научно-исследовательских «монстров» совершенно другого рода. Таких, например, как Лос-Аламос, Ливермор, Окридж, Наваль и т.д. Каждая из этих «лабораторий» на деле представляет собой комплекс научно-исследовательских институтов и лабораторий плюс гигантскую экспериментальную, технологическую, производственную базу.

Во-вторых, реальные американские лаборатории в корпорациях и университетах, как правило, имеют общую для множества лабораторий систему поддержки исследований. Которая включает справочно-библиотечный фонд, экспериментальную базу, мастерские

для изготовления необходимого оборудования и аппаратуры и т.д. Принципиальное различие с лабораториями в российских академических и отраслевых НИИ здесь единственное: в США каждая такого рода лаборатория — юридическое лицо с собственным бюджетом. И за «сторонние» услуги (например, аренду экспериментальной базы, изготовление оборудования и приборов, патентный поиск, сбор необходимой научной информации) она платит из своего бюджета.

Итак, в новых условиях, когда наука стала реальной производительной силой и когда научная деятельность превратилась в своего рода «отрасль индустрии» (к тому же требующую от общества немалых «стартовых» материальных затрат, а от науки — соответствующей, в том числе и материальной, отдачи), к организации этой деятельности предъявля-

ются особые требования.

Сейчас наиболее эффективной формой такой организации оказываются лаборатория/отдел в качестве «первичного» научного звена, плюс научно-исследовательский институт или университет, в рамках которого должны охватываться как системное целое главные направления исследований по определённой научной специальности. Именно такова основная структура организации науки, минимально необходимая для современных эффективных научных исследований. И именно такой оказывается по факту организационная структура науки как в большинстве стран Европы и Азии, так и — в реальности — в США, Великобритании, Канаде, Латинской Америке.

Но следующий важнейший вопрос заключается в том, кем наполнена эта организаци-

Фигура учёного

Уже из изложенного выше понятно, что стать — и быть — учёным очень и очень непросто. Для этого нужны не только (а нередко и не столько) определённые способности, но ещё и гигантские затраты времени и сил на обучение, на постоянное расширение понимания своего научного проблемного поля, на осознание тех новых вопросов, которые тебе задаёт научная реальность, и на придумывание новых способов ответить на эти вопросы.

Всего этого учёный должен «почему-то» хотеть. То есть, говоря языком социологии, он должен быть мотивирован сначала на при-

обретение базовых специальных знаний, а затем на интенсивный научный поиск.

Социологи и психологи уже давно начали изучать: чем же, всё-таки, чаще всего мотивирован учёный в своей деятельности? Не вдаваясь в детали этих исследований, постараюсь выделить главное.

Обнаружилось, что сфера мотиваций учёных сложная и неоднородная, причём в ней мотивационные приоритеты существенно зависят, в том числе, от специфики национальной истории и культуры в конкретной стране.

Обнаружилось, что мотивационные приоритеты очень сильно зависят от отношения к ценности и важности науки в конкретной стране как со стороны власти, так и со стороны общества.

Обнаружилось, наконец, что мотивационные приоритеты в науке существенно меня-

ются от поколения к поколению.

Тем не менее, приведём (в произвольно-списочном порядке) основные мотивации, которые считают наиболее существенными для людей, посвящающих свою жизнь занятиям наукой.

1. Интеллектуальная потребность — острое научное любопытство, стремление понять мир в целом или ту его часть, которая кажется наиболее важной и загадочной.

2. Потребность в творческой деятельности, выходящей за рамки нормативно-привычного, стремление не просто «пощупать неизведанное», но и создать новое, невиданное ранее. Эту мотивацию считают одним из основных источников творчества вообще: научного, культурного, художественного.

2. Наличие собственных научных идей и желание их подтвердить и развить. Этот тип

мотивации наиболее характерен для уже сложившихся учёных, которые стремятся успеть бесспорно для науки доказать то, что представляется интуитивно понятым.

3. Желание реализовать свои идеи в виде теоретического и/или практического продукта, полезного людям (стране, человечеству).

4. Понимание того, что на научные результаты существует большой общественный спрос и осознанное стремление удовлетворить этот спрос (наука — это важно и нужно, и я в этом важном деле могу дать серьёзный результат).

5. Желание оставить свой след в науке и своё имя в истории (получить признанный коллегами и обществом научный результат в виде опубликованных статей, книг, докладов, научных наград, премий, ссылок в работах других учёных, внедрённых в практику ре-

зультатов исследований и т.п.).

6. Желание получить большой научный статус в виде высоких должностей, званий, членства во влиятельных научных сообществах и т.п.

7. Общественный престиж профессии учёного.

8. Сопряжённые с профессией результаты и свидетельства личного жизненного успеха (сравнительно высокий доход учёного и/или преподавателя, карьерный рост, уважение в социальной группе и пр.).

9. Стремление к удовлетворению своего эго — самореализации, славе, известности.

10. Мягко-свободный режим работы, не требующий постоянного «дежурного» присутствия на определённом рабочем месте.

11. Возможность не быть постоянно привязанным к определённому жёстко заданно-

му роду занятий.

Приведённый список, разумеется, далеко не полон.

Примечательно, что в этом списке, составленном в основном западными социологами и психологами, не оказалось того мотива, который нередко называли наши учёные (в том числе самого высокого ранга) в числе приоритетных мотиваций своей деятельности. А именно — патриотического чувства высочайшей собственной ответственности за судьбу своей страны и своего народа.

Не менее примечательно и то, что в отсутствующей части этого списка при проведении исследований в ряде слаборазвитых стран и нынешней России оказалась вполне значима и такая мотивация «прихода в науку», как повышенные шансы на дальнейшую успешную (статусную) эмиграцию в какую-либо разви-

Научный спрос и научное предложение

Нужно особо подчеркнуть, что в разных странах и в разных культурах в число приоритетов научных мотиваций практически всегда входило и входит осознание того, что на научные результаты существует большой властный и общественный спрос.

Если переходить на классический язык экономики, то можно сказать, что именно этот активный и массовый властно-общественный спрос на научные результаты является одним из главных движителей научного предложения со стороны учёного сообщества. Причём такой спрос не может быть

просто декларативным. Он должен быть проявлен и предъявлен в виде социальной, моральной, политической, организационно-финансовой поддержки «научного производства» со стороны власти и общества.

Соответственно, здесь не может не работать и обратная «экономическая аксиома»: если падает спрос на науку (что неизбежно отражается на снижении всех перечисленных форм её поддержки) — не может не падать и научное предложение. Оно в этом случае не может не падать и по количеству, и по качеству.

«Просто так» тратиться на науку ни в какие времена власть и общество не хотели. Конечно, широко известны случаи научного меценатства со стороны правителей, слабо связанные с их практическими потребностями. Однако такие случаи широко известны имен-

но в качестве исключений. А общим правилом в затратах власти и общества на науку были расчёты получить в обмен две главные ценности: богатство и власть.

Правители и богатые купцы финансировали опыты средневековых алхимиков, потому что надеялись в итоге получить неисчерпаемый источник золота. Европейские монархи и банковские корпорации снаряжали научные экспедиции за дальние моря в расчёте на приобретение того же золота, новых земель, новых путей к новым богатствам.

Тираны древней Греции, средневековые короли и императоры, правительства стран Европы в Новое и Новейшее время неизменно отдавали приоритет (и иногда немалые деньги) чуть ли не любым научным изысканиям, обещавшим дать военное превосходство над возможными противниками.

Наука Нового времени открыла принципиально новые возможности создания богатства и усиления власти в ходе промышленных революций. И тем самым очень существенно изменила отношение власти и общества к учёным. Впервые возник именно массовый, причём нарастающий по объёму и разнообразию сфер приложения спрос на научные результаты. Именно тогда наука начала делиться на фундаментальную (открывающую новые явления и законы реальности) и прикладную (выявляющую возможность применения этих явлений и законов в человеческой деятельности практике). И именно тогда возникла индустрия изобретения и совершенствования тех технологий, машин, механизмов, устройств, возможность создания которых уже выявила наука.

Эта модификация сфер получения и при-

менения научных результатов сохранила своё значение до сих пор. И отражается в понятиях научно-исследовательских работ НИР (фундаментальных и прикладных) и опытно-конструкторских работ (ОКР).

Причём если между фундаментальными и прикладными НИР ещё возможен определённый разрыв по времени (прикладные НИР, как правило, ведутся уже после внесения достаточной ясности в перспективные результаты фундаментальных НИР), то ОКР и прикладные НИР обычно уже связаны прочной пуповиной прямых и обратных связей. ОКР выявляют преимущества и недостатки идей, выдвинутых в прикладных НИР, «прикладники» уточняют и трансформируют свои идеи, и так до тех пор, пока не будет получен нужный технологический результат.

И потому прикладные НИР и ОКР

нередко объединяют не только в понятие НИОКР, но и в практические организационные научно-технологические схемы. В которых к институтам прикладных НИР присоединяют опытно-конструкторскую и производственную базу, способную обеспечить проведение полноценных ОКР, а также создать образцы продукции, технологически «готовые» к массовому серийному производству.

Именно так, в частности, было устроено большинство прикладных отраслевых НИИ в советское время. Именно так довольно часто организовано доведение «научного результата» до конкретной технологии или создания нового «рыночного» продукта в большинстве стран мира. И именно по такому принципу выдают свои главные научно-технологические результаты основные национальные государственные лаборатории США

(Ливермор, Лос-Аламос и пр.), которые мы упоминали выше.

Научная специализация и Академии наук

Развитие научных исследований довольно давно обнаружило то (поначалу казавшееся незначительным) обстоятельство, что углубление исследований проблем на каждом научном направлении лишает и отдельного учёного, и даже исследовательский коллектив существенной части научного кругозора.

Это стало ощущаться уже в начале Нового времени и стало достаточно ясно в XVIII веке. Когда выяснилось, что даже в такой вполне строгой науке, как физика, расщепление предметного поля приводит к тому, что

разные учёные или группы учёных, занимающиеся даже соседними проблемами, как бы «не слышат» друг друга. То есть могут оказаться в неведении о том, какого результата добился другой учёный на другом направлении.

И дело было не только в том, что тогдашняя система движения научной информации была несопоставимо медлительнее, чем нынешняя. Дело было прежде всего в том, что, как оказалось, разные учёные даже в физике (а уже тем более в таких науках, как зарождавшиеся химия, биология, геология и т.д.) иногда говорят практически на разных научных языках. И, кроме того, нередко, всё более погружаясь в свои специализированные исследования, начинают терять ощущение самого главного и важного. Иначе говоря, за деревьями не видят леса.

Дальнейшее расщепление наук на всё более узкие специализации, очевидно, могло лишь превращать поначалу стройное (по крайне мере в раннее Новое время) здание Науки — в своего рода Вавилонскую башню. Которая не могла в итоге не обрушиться.

Те учёные и политики, которые раньше других и наиболее остро ощутили эту проблему, стали искать пути её решения.

Главным решением стало создание в различных странах Академий наук. Одной из приоритетных задач которых стал сбор в единую исследовательскую структуру наиболее крупных и авторитетных учёных. Призванных не только развивать отдельные отрасли фундаментальной науки, но и производить своего рода совместную сшивку непрерывно создаваемой всё более специализированными науками (и крайне разнородной) научной ин-

теллектуальной ткани в единое мировоззренческое полотно. И в итоге — нащупывать, прозревать и формулировать те главные вопросы, которые задают науке не власть и не общество, а мироздание.

А другим решением стала подготовка и издание французскими просветителями — при чём не только для учёных, но и для широкой образованной публики — знаменитой «Энциклопедии наук, искусств и ремёсел».

И то, и другое решение преследовало двуединую цель. Проводить фундаментальные исследования по отдельным наукам и обобщать, предъявлять научному сообществу, обществу в целом и власти суть результатов исследований. И одновременно — осуществлять непротиворечивую спшивку результатов этих исследований в единую картину мира. И выявлять и предъявлять те пробелы в этой

картине, без заполнения которых она неполна или неточна.

Вот главные задачи, которые, по большому счёту, возлагались на все созданные в раннее Новое время и позднее Академии наук — назывались ли они «Лондонское королевское общество», «Парижская Академия», «Российская Академия наук», «Институт Макса Планка» или как-то иначе.

Очевидно, что такого рода деятельность предполагала преемственность решения обеих этих задач. И потому именно и прежде всего в Академиях наук, вокруг входивших в эти Академии крупнейших учёных, возникали научные школы. То есть группы последователей и соратников главы научного направления, объединённых и тематикой, и методами исследований, и, как правило, близкими мировоззренческими установками.

Отметим, что в ряде достаточно развитых стран Академии наук так и не возникли. Или возникли, но оказались лишь статусно-представительными (почётными) учреждениями для учёных, лишёнными обеих названных выше главных функций. Одна из таких стран — США, где фундаментальная наука очень сильна, но в то же время Академия наук не играет никакой роли ни в научных исследованиях, ни в сколько-нибудь значимом мировоззренческом влиянии.

В связи с этим подчеркнём, что, как отмечают многие (в том числе американские) исследователи, и в американском научном и политическом сообществе, и, тем более, в американском обществе в целом господствует при достаточно высоких узкопрофессиональных компетенциях определённая «мировоззренческая убогость». В точности по известному

афоризму Козьмы Пруткова о специалисте, который «подобен флюсу, ибо полнота его однобока».

В числе причин такого состояния дел некоторые социологи и психологи называют социокультурную специфику американского общества, в которой решающую роль играют «прагматические» мотивации любой, в том числе научной, деятельности, а наиболее важные для науки интеллектуально-познавательные и творческие (если уместно так выразиться, идеальные) мотивации выражены гораздо слабее. С этой же социокультурной спецификой некоторые исследователи связывают и характерный для американской науки подчёркнутый индивидуализм большинства исследователей, и редкость в американской науке долговременно существующих и устойчивых научных школ.

Предполагается, что по этим же социокультурным причинам в американской науке (в особенности в фундаментальной, но также и в прикладной) очень высока роль учёных, являющихся иммигрантами или детьми недавних иммигрантов. То есть учёных, существенно отличающихся от большинства коренных американцев по социокультурной специфике и мотивационным приоритетам.

Возвращаясь к вопросу о смысле создания Академий наук и поддержки их создания властью, следует указать на ещё одно обстоятельство.

Когда наука в ходе промышленных революций предъявила себя как главный источник промышленного, а далее и социального развития, учёные начали приобретать в глазах общества всё больший авторитет. И власть не могла не пытаться приручить этот

ресурс авторитета и поставить его себе на службу.

Отметим, что одним из первых в Европе это, видимо, понял и использовал Наполеон Бонапарт. Который осознал и роль французского научного сообщества (в том числе, созданной этим сообществом Энциклопедии) в подготовке Великой Французской революции, и тот потенциал управления государством, который может обеспечить власти её поддержка авторитетом учёных.

Не случайно Бонапарт лично встречался с известными учёными (например, Лапласом) и иногда задавал им немало вопросов. Не случайно Бонапарт взял большую группу учёных самых разных специальностей в свой знаменитый африканский поход. И не случайно во время этого похода Бонапарт, как гласят притчи, при столкновениях своей экспе-

диции с воинственными местными племенами командовал: «Учёных и ослов — в середину», — то есть в наиболее защищённое от атак неприятеля место.

В дальнейшем в Новой и Новейшей истории власть в большинстве стран старалась не только использовать знания и миропонимание крупнейших учёных (или мнения Национальных Академий наук в целом) при принятии стратегических решений, но и пыталась опереться на авторитет Академий для продвижения в общество своих решений. Решений, иногда далеко не бесспорных и не благостных для широких социальных масс.

Властно-социальный спрос и научное предложение: как работает система

Повторим, что целостный «научный организм» общества успешно работает лишь в том случае, когда со стороны власти (государства и общества) существует устойчивый научный спрос. Причём спрос, который подтверждается организационной, социально-политической, материально-финансовой поддержкой всего научного комплекса страны.

Но подтверждение властного и социально-го спроса на науку — это всегда расходы. Если это расходы на научные исследования, обеспечивающие оборону от опасных и сильных врагов, или на быстрое обеспечение ясного и крупного общественно-значимого экономиче-

ского или социального результата, то объяснить обществу необходимость таких расходов не так уж трудно.

А если это, например, строительство какого-нибудь синхрофазотрона, где необходимость или целесообразность расходов и власти, и обывателю совершенно не очевидны? Тогда для принятия решения огромное значение имеют авторитет науки (учёных) и доверие к её рациональному мнению о необходимости расходов, а также о потенциальных приобретениях (доходах и других полезных для страны и граждан эффектах), связанных с предполагаемыми научными результатами. Но такое доверие обеспечивается только практикой. То есть предыдущими случаями, когда вначале «непонятные» расходы «на науку» впоследствии приносили крупные практические (в том числе, вполне матери-

альные) «доходы».

Однако, как мы уже обсудили выше, любые практические «доходы» возникают не в самой науке (фундаментальных и прикладных НИР и ОКР). Они появляются лишь на следующем этапе использования научных результатов — в ходе применения этих результатов в массовых технологиях и массовых «рыночных» продуктах.

И потому для всех этапов научной работы во всех странах характерно прямое и косвенное внешнее материальное обеспечение, включая финансирование.

При этом фундаментальные исследования, включая расходы Академий наук, как правило, в основном (в современных развитых странах — на 50–80%) финансируются из государственных бюджетов. А в оставшейся части — крупнейшими частными и публич-

ными рыночными корпорациями, грантами различных фондов, а также собственными доходами институтов и университетов. Причём эти «собственные доходы» нередко бывают достаточно весомыми, хотя их исходный источник также оказывается государственным.

Особое значение и специфику финансирования имеют крупнейшие стратегические государственные научные проекты. Такие проекты обычно относятся к сфере национальной обороны и включают широкий спектр разноплановых и разноуровневых научных исследований: фундаментальных и прикладных, теоретических и экспериментальных. Под их реализацию объединяются силы академической и прикладной науки множества областей знания, под них создаются специальные институты, лаборатории, опытные заводы и так далее. Известные примеры таких стратегиче-

ских научных проектов — атомный Манхэттенский проект в США и советский атомный проект, американский и советский ракетно-космические проекты и ряд других.

В числе таких стратегических проектов нередко называют создание Силиконовой долины в США. И при этом подчёркивают, что это, мол, яркий альтернативный пример. Пример того, как вовсе не указующий перст государства, а частная инициатива немногочисленных вчерашних и сегодняшних студентов создала — буквально «на коленке», в личных гаражах, на карманные деньги и в свободное от основных занятий время — чудо основания новой отрасли мировой науки и экономики.

Всё это — не более чем сознательно выстроенный пропагандистский миф. Миф, детально и доказательно опровергнутый участ-

никами событий. Например, в книге стэнфордского профессора Стива Бланка «Секретная история Силиконовой долины». На деле всё было иначе, и вполне традиционно для стратегических проектов такого рода.

Силиконовая долина: как организуются научно-технологические прорывы в Америке

В долине Санта-Клара в Калифорнии, рядом с заливом Сан-Франциско и вблизи крупного Стэнфордского университета ещё в 1909 году была построена первая в Америке радиостанция. В 30-х годах здесь же возникла большая военно-морская база и техноло-

гический комплекс для обеспечения этой базы. Исследовательский состав Стэнфорда тут же был привлечён — на деньги Пентагона — для научно-технологического развития военного флота.

В годы Второй мировой войны профессор Стэнфорда Фредрик Терман, который считается «отцом» Силиконовой долины, возглавлял военную лабораторию Harvard Radio Research Lab, занимавшуюся разработками в сфере радиолокации и связи. Отчасти заслугой Термана считается и то, что после войны при Стэнфордском университете был создан — опять-таки на бюджетные деньги — Стэнфордский исследовательский институт. Поскольку началась холодная война против СССР, то главными задачами созданного Института стали координация работ и распределение финансирования по государствен-

ным военным программам. А для исполнения этих программ Институт нанимал — также на деньги Пентагона — кадры из частных высокотехнологических компаний со всей Америки.

И опять-таки Терману принадлежит идея привлечения в свою долину и под опеку университета лучшего научно-технологического контингента (включая своих выпускников), а также ведущих технологических корпораций. Как и другие университеты, Стэнфорд в годы Великой депрессии получил от правительства в бессрочное пользование, но без права продажи, огромную — более 3 тысяч гектаров — земельную собственность. Именно на этой университетской земле рядом со Стэнфордом и его мощной исследовательской базой, а также соседней уже сложившейся высокоразвитой инфраструктурой военных НИР и

НИОКР, Терман предложил размещать офисы и производственные комплексы вновь создаваемых и уже состоявшихся высокотехнологических компаний.

Поскольку гонка вооружений в ходе холодной войны разворачивалась всё быстрее, Пентагон ставил перед создаваемым военно-технологическим кластером (получившим название «Стэнфордский технологический парк») многообразные и всё более сложные задачи.

Одной из таких задач стала разработка аппаратного и программного комплекса быстрого расчёта траекторий и целеуказания для ракет различного назначения. Существовавшая в то время ламповая электроника для этого по многим причинам не годилась. И потому большая часть финансирования была направлена на поиск других технологических

решений. Причём это была не частная конкретная задача, а система НИР в рамках специальной государственной «Программы обороны в области авиации, космоса и электроники».

Решение было найдено на пути освоения и развития сначала германиевой, а затем кремниевой полупроводниковой электроники. Именно с этого момента долина Санта-Клара стала превращаться в Кремниевую (Силиконовую) долину.

Уже в 1952 г. в Долину был перенесён исследовательский центр IBM. В 1956 г. сюда же переместился главный офис корпорации Lockheed Aerospace, после чего в Стэнфорде был создан специальный Аэрокосмический факультет. В 1958 г. здесь же обосновался исследовательский центр NASA, в 1970 г. — исследовательский центр Xerox.

В середине-конце 1950-х годов в Долине было налажено крупномасштабное серийное промышленное производство полупроводниковых электронных элементов различного назначения. Причём военные ведомства непрямую закупали до 40–50% выпуска транзисторов и диодов, а остальное приобретали частные военные и гражданские корпорации.

Одновременно в кластере Силиконовой долины шли активные исследования физиков, материаловедов, химиков, технологов, направленные на решение задач миниатюризации и интеграции полупроводниковой электроники. В 1970-х годах эти исследования завершились освоением серийного промышленного производства микропроцессоров.

По существующим оценкам, только лишь до начала промышленного выпуска в 1950-е годы полупроводниковой электроники наци-

нальный бюджет США через военные ведомства вложил в исследования и разработки в кластере будущей Силиконовой долины (подчеркнём, одном из многих в США) от 10 до 12 млрд тогдашних (на порядок дороже нынешних) долларов. Причём военные эксперты сообщают, что государством в кластере Силиконовой долины до сих пор финансируется более 50% НИР и НИОКР.

Вот на такой «частной коленке» в действительности родилось научно-технологическое чудо Силиконовой долины. В целом же, по данным национальной статистики США, в 1960–1970 гг. американское государство финансировало 55% научных разработок, из них 70% — за счёт механизмов госзаказа (в основном через Министерство обороны) на общую сумму до \$60 млрд в год. Причём значительная часть этих денег целевым назначени-

ем направлялась на фундаментальные теоретические и экспериментальные исследования (теория твёрдого тела, теория полупроводников, квантовые эффекты переноса и т.д.).

Газета не место для подробного обсуждения того, как аналогичные стратегические проекты были реализованы в других странах. Можем лишь сказать, что в целом подход к решению подобных стратегических задач везде был примерно одинаковым. Концентрация научно-интеллектуальных, материальных, финансовых ресурсов на генеральных направлениях исследований и разработок, достаточно жёсткая «волевая» организация и координация работ и упорство в достижении цели.

Юрий Бялый

Наука и инновации

В любой социально-государственной системе (рыночной или административно-командной) главный импульс развития современной научно-технологической индустрии по факту исходит от власти

Президент Рузвельт подписывает закон о
Долине Теннесси

Нельзя не признать, что научная деятельность бессмысленна, если она не претворяется в практику, не ведёт от нового понимания законов природы и общества к новому качеству экономической, социальной, культурной жизни.

При этом есть сферы, где связь между наукой и практикой обычно наиболее очевидна и несомненна. И, конечно же, властный и общественный запрос на науку — стратегические проекты военного назначения. Это такой «запрос на науку», на который государственная власть — как правило, с согласия общества, но иногда и без его ведома — почти всегда не жалела денег и сил.

А как обстоит дело в мире с другим — не столь стратегическим, и потому «экономически скучным» — запросом на науку?

Общее управление развитием и поддержкой национального научно-технологического комплекса

Генеральным фактором мотивации научных исследований является запрос на такие исследования со стороны общества и государства (власти). Причём власть (и в демократическом, и в авторитарном государстве), по возможности, всегда предъявляет свой запрос «на науку» как концентрированный и обоснованный общественный запрос.

Далее власть оформляет серьёзность этого запроса в виде государственного бюджета, в котором прописываются финансирование научных исследований и главные приоритеты этого финансирования. И, наконец, опять-

таки власть создаёт и поддерживает систему институтов управления развитием НИР и НИОКР, способную обеспечить реализацию объявленных научно-технологических приоритетов.

Таким образом, в любой социально-государственной системе (рыночной или административно-командной) главный импульс развития современной научно-технологической индустрии по факту исходит от власти. А поскольку научно-развитых стран с полностью административно-командными системами на планете сейчас не осталось (Китай таковой уже не является), обратимся к опыту управления наукой в развитых «рыночных» странах. И начнём с безусловного лидера в этой сфере — США.

В США активная роль государства в определении научных приоритетов для бизне-

са прослеживается со времён поиска выходов из Великой депрессии во время президентства Франклина Делано Рузвельта. Именно тогда был создан первый американский стратегический государственный научно-технологический проект под названием «Администрация долины Теннесси», к которому широко привлекался, в том числе, средний и малый бизнес.

Отметим, что впоследствии не только схемы управления, но и управленческие и научные кадры проекта «Теннесси» в значительной части «перетекли» в стратегические Манхэттенский ядерный проект и ракетный проект. Именно в этих проектах был наработан успешный опыт «периферийного» привлечения малых и средних частных корпораций к решению отдельных научно-технологических задач общего (причём со-

вершенно секретного) проекта. И в этих же проектах нарабатывался и опыт объединения усилий фундаментальной (и в государственных лабораториях, и в университетах) науки — с наукой прикладной, а также с опытно-конструкторскими разработками и выводом их результатов в широкое коммерческое использование.

В этих «больших проектах» создавалась, испытывалась, модифицировалась американская система государственного управления научно-технологическими исследованиями за счёт адресного мотивирования учёных, а также разноплановых крупных, средних и малых компаний и поощрением исследований, и спросом на производимый научно-технологический продукт. Та система, которая с частными изменениями существует и работает поныне. И на которую возлагают-

ся надежды по части скорого достижения в США преобладания инновационной «экономики знаний».

В США стратегические решения по государственной научно-технологической политике разрабатываются совместными усилиями таких правительственные организаций, как Национальный совет по науке и технологиям, Национальный экономический совет, Совет экономических консультантов, Совет по устойчивому развитию. В указанные Советы входит, помимо высоких чиновников, «цвет» американской фундаментальной и прикладной науки. Кроме того, в ходе разработки этих стратегических решений проводятся консультации с учёными и экспертами из ведущих университетов. Затем принятые стратегические «научно-технологические» решения утвер-

ждаются Президентом и далее служат основой законопроектов, вносимых в Конгресс.

Есть ли подобная практика принятия стратегических решений по науке и технологиям у нас в России? Увы, в СССР она была, а в постсоветское время исчезла. Ведь очевидно же, что принимаемые у нас программы вроде документов «Центра стратегических разработок» — это совсем другое. А песок — плохая замена овсу...

Возвращаясь к США, укажем, что примером итогового стратегического законодательного решения «по науке» является принятая в 1993 г. Национальная программа «Технологии для экономического роста Америки». В ней чётко прописан комплекс мер по научному развитию в стране: от бюджетной поддержки фундаментальной науки и наиболее приоритетных крупных НИОКР —

до государственных мероприятий по повышению технологического уровня массового производства.

В этой же Национальной программе объявлены основные приоритеты для развития «экономики знаний», в числе которых оказались широкая интеграция оборонных и гражданских производств, создание инфраструктуры XXI века, система мер по поддержке коммерциализации новых технологий, массовое формирование «нового работника» для «экономики знаний», улучшение делового климата для «экономики знаний» за счёт создания системы поощрения инноваций.

Это, так сказать, «высший уровень» мотивационных сигналов для науки и бизнеса. Они понимают, что в названные приоритеты будут направлены большие государ-

ственные деньги. И, значит, будет высокий и хорошо оплаченный спрос на их научно-технологические возможности и потенциал. То есть и научные организации, и бизнес-корпорации могут приступать к долгосрочному планированию и подготовке своей работы по каким-либо из приоритетных направлений. Приступить с чётким пониманием того, что результат будет востребован и научно-технологические затраты окупятся.

Вновь вопрос: существуют ли мотивационные сигналы такого уровня и ответственности в России, для российской фундаментальной и прикладной науки и российского бизнеса? И снова приходится ответить, что не существуют.

На следующем уровне разработку и внедрение научно-технологических инноваций в США координирует и контролирует особый

центр управления целевыми государственно-корпоративными программами при Министерстве торговли. Это крупное и очень влиятельное государственное ведомство, которое называется Администрация по технологиям, обеспечивает реализацию тех мер поддержки научно-технологических разработок, которые прописаны в Национальной программе.

От идеи — к коммерческому продукту

А в число таких мер входит немало серьёзных экономических преференций. В том числе, льготное кредитование и частичное бюджетное финансирование научных программ корпораций; льготное (или даже бесплатное) предоставление корпорациям для НИОКР го-

сударственного имущества, земельных участков, общественной инфраструктуры. А также право корпораций включать затраты на НИОКР в себестоимость продукции, право списывать научное оборудование по повышенным нормам амортизации (то есть быстро обновлять такое оборудование), плюс адресные налоговые льготы для инновационных проектов. Аналогичные системы льгот предусматриваются и для исследовательских и научно-технологических подразделений американских университетов.

Опять вопрос: есть ли что-нибудь подобное у нас в России? И вновь ответ — нет.

Перечислять то, что делается в США для мотивации научно-технологический сферы, можно долго.

В частности, в рамках сращивания военных (в основном секретных) и гражданских

исследований в Америке были приняты закон Бейха-Доула об условиях передачи корпорациям и университетам права на коммерческое использование государственных патентов, а также закон Стивенсона-Уайдлера о передаче технологий из государственных лабораторий (тех самых гигантов вроде Лос-Аламоса и Ливермора) в промышленность.

В частности, в США существуют целевая государственная программа SBIR (финансовая поддержки научных исследований малого высокотехнологичного бизнеса), а также государственно-корпоративные программы «Передовые технологии» (адресное финансирование экономически высокорисковых долгосрочных научно-технологических проектов) и «Партнёрство в расширении производства» (для технологической и финансовой поддержки модернизации основных средств в

малых и средних компаниях).

И все эти, а также другие многочисленные (государственные и частные) целевые программы в виде грантовых фондов — призваны как обеспечить финансирование фундаментальных и прикладных НИР, так и инициировать быстрое прохождение пути от полученного фундаментальной или прикладной наукой первичного результата (научной идеи) до высокотехнологичного коммерческого продукта.

В других научно и технологически развитых странах система обеспечения научно-инновационной сферы организуется иначе, но неизменно присутствует и работает очень активно.

Так, в Германии фундаментальные научные исследования также финансируются в основном из федерального бюджета и бюдже-

тов земель. Кроме того, в Германии, помимо принимаемых на федеральном уровне программ научно-технологического развития, в каждой из земель Федерации давно созданы (причём по государственным директивам) так называемые медиаторные компании. Которые включают крупных учёных, экономистов, инженеров и заняты следующим.

Они отслеживают появление в государственных и университетских научных центрах и лабораториях новых крупных научных идей, оценивают перспективы воплощения этих идей в коммерческие продукты, а также анализируют возможный спрос на эти идеи и продукты в корпорациях бизнеса. А далее «медиаторные» компании налаживают связи между учёными — творцами идей, потенциальными разработчиками НИОКР и менеджерами корпораций бизнеса, тем самым

«запуская» процесс превращения идеи в коммерчески эффективные инновации.

Во Франции система «управления наукой» организационно существенно иная, чем в США или Германии. Но эта система ориентирована на эффективное решение тех же задач поддержки и «мотивирования» науки. Здесь, помимо государственного финансирования фундаментальной и прикладной науки, успешно и давно действуют несколько программ, нацеленных на доведение научных идей до коммерческих продуктов (например, программа «Система исследований и инновационных технологий»).

В Израиле фундаментальные исследования (как и в США, сосредоточенные в основном в университетах, а также в «военных» государственных лабораториях), финансируются как из бюджета, так и корпоративным

бизнесом и грантами частных фондов. Но при этом ещё в начале 1990-х годов «технологический выход» израильской науки был мизерным.

В 1993 г. в Израиле была учреждена государственно-частная программа поддержки инновационного развития YOZMA, в рамках которой создали десять инвестиционных научно-технологических фондов. В число главных должностных обязанностей частного руководства этих фондов, а также государственных представителей в советах директоров фондов, вошло «распространение успешных технологических и организационных новаций», создаваемых при деятельности фондов.

Вскоре в Израиле были инициированы государством научная программа MAGNET, нацеленная на совместную разработку новых

технологий университетскими лабораториями и частными корпорациями, а также Программа технологических инкубаторов, которая обеспечивала «стартовую» финансовую государственную поддержку частных инновационных компаний на срок до двух лет.

Перечисленные программы быстро и резко нарастили инновационную активность израильской науки, а также крупных, средних и малых частных корпораций. И уже к 2002 г. более половины израильского экспорта составляла высокотехнологичная продукция.

Вновь спросим: есть ли что-нибудь подобное у нас в России? И опять придётся ответить, что ничего подобного у нас, по большому счёту, нет.

И потому путь от идеи к продукту, который может приносить прибыль и бизнесу, и стране, у нас оказывается почти полностью

«обрезан».

А тогда что пенять науке за то, что она, видите ли, не приносит ощутимой реальной пользы народу?

Юрий Бялый

Проблемы постсоветской науки: истоки и факторы кризиса

Ключевой политический смысл принятия закона о РАН состоит в том, что Академию глубоко и подчёркнуто демонстративно оскорбили и унизили. Всю — от академи-

ков до младших научных сотрудников и технического персонала. А заодно ограбили

Победители советской науки — команда
Ельцина и Гайдара

Учёные протестуют против реформы РАН

Учёные протестуют против реформы РАН

Как утрачивалась научная и гражданская мотивация

Обрушение СССР почти мгновенно привело к фактически полному распаду системы управления советским хозяйством. И, конечно, наука не осталась в стороне от этого обрушения. Правительство России уже в конце 1991 г. начало объяснять учёным, что денег на науку в казне нет и не предвидится. А далее были предложены два решения.

Одно из них, исходившее от некоторых членов «команды молодых реформаторов», заключалось в полном упразднении Академии наук и полном прекращении бюджетного финансирования как Академии, так и множества отраслевых НИИ, которые не могут или не хотят содержать «профильные» хозяйствственные ведомства. А дальше, мол, все

оценки полезности имеющейся в стране фундаментальной и прикладной науки «расставит» рыночная стихия.

Возмущённые таким беспределом учёные начали наперебой обращаться к президенту Ельцину. И он, после консультаций со своей командой, предложил другое решение. Оно состояло в том, что «деньги на науку», может, и появятся, но не сейчас. А сейчас учёным можно предложить «для выживания» свободно распоряжаться той государственной собственностью (здания, сооружения, земля, другие основные фонды), которая в советское время была передана академическим и отраслевым институтам в бессрочное пользование (отметим, в точности так сделал Рузвельт в США в период Великой депрессии).

Учёные стали выживать «кто как может», сдавая в аренду свои основные фонды, а так-

же иными способами полагаясь на «рыночную стихию». И надеясь, что вот-вот Его Величество Рынок наведёт порядок в экономике, политике, социальной жизни, и всё наладится. И вновь возникнет «спрос на науку» от общества (то есть от возникающего в стране частного бизнеса) и власти, и вновь появится бюджетное финансирование, и вновь можно будет выдвигать идеи, разрабатывать технологии и доводить их до (конечно же, особо ценного и потому прибыльного) «рыночного продукта».

Однако очень скоро стало понятно, что в расставляемые «рыночной стихией» приоритеты наука ну никак не попадает. Нет на ней в этой самой специфической российской «рыночной стихии» решительно никакого спроса ни от общества, ни от бизнеса, ни от государства. Но ведь нужно и самим на что-то жить,

и кормить семьи. А на арендные деньги никак не разгуляешься, если зарплата из них выходит втрое ниже прожиточного минимума.

Между тем, спрос на российскую науку появился, и довольно быстро. Сначала зарубежные грантовые фонды (пионером, здесь, видимо, был Фонд Сороса), а затем и зарубежные университеты (сначала американские, а далее и европейские) начали предлагать российским учёным (академическим и отраслевым) очень скромные (но для тогдашней России немалые) деньги за «работу на себя». Как в форме выполнения исследований по определённым темам на деньги гранта, так и в форме отъезда для продолжения исследований в университеты и лаборатории «далнего зарубежья».

А одновременно оказалось, что осмысленно заниматься наукой в Новой России по-

чи невозможна по элементарным экономическим и техническим причинам. Нет спроса на неё, и нет хотя бы минимальных денег. И потому нет зарплат, нет нужного нового оборудования, нет расходных материалов, реактивов, нет даже подписки на зарубежные научные журналы по твоей специальности.

Именно эта ситуация сначала открыла, а затем и закрепила многократно обсуждённый с тех пор феномен прямой и косвенной утечки из России «научных мозгов».

Прямая утечка шла в форме «внешней эмиграции», в результате которой из страны за постсоветские десятилетия уехало, по разным оценкам, от 80 до 120 тыс. квалифицированных научных работников, и «внутренней эмиграции», когда перспективные (прежде всего молодые) учёные уходили из «научной нищеты» в членки, бизнесмены, чинов-

ники и даже дворники.

Косвенная «утечка мозгов» шла в основном в формах работы российских учёных по зарубежным грантам. При этом нередко ясно оформленные в отчёте по гранту перспективные идеи российских учёных оказывались (иногда даже без публикаций имён авторов) в разработке и позже патентовались в зарубежных научных центрах. А ещё бывало и так, что российская научная идея в заявке на грант уже была выражена достаточно понятно для дальнейшей зарубежной разработки, и соискатель, отдав эту идею, даже не удостаивался гранта.

Некоторое упорядочивание российской политической, экономической и социальной жизни к началу XXI века чуть облегчило состояние российских учёных. Несмотря на мизерную оплату их труда и в Академии на-

ук, и в подавляющем большинстве ещё сохранившихся отраслевых НИИ, в науку всё же пошли какие-никакие бюджетные деньги, позволившие части научного сообщества продолжить работы. Некоторые учёные даже освоили особую специфику возникших в стране «рыночных правил» и начали находить в этой специфике приемлемые экономические решения своих личных и научных проблем...

Однако к этому времени базовая инфраструктура российской науки оказалась разрушена, причём по ряду направлений почти необратимо. Исчезли многие ранее сильные и задававшие «мировой тон» научные школы. Резко снизился приток в науку активной и квалифицированной молодёжи. А значит, очень болезненно ослабилась или вовсе прервалась преемственная связь «научных поколе-

лений». И, главное, не восстановилась и, более того, продолжает деградировать ключевая сфера мотиваций научной деятельности — система осмысленных запросов «на науку» со стороны общества и власти.

Это отражается на государственной поддержке исследований (в частности, госбюджетное финансирование РАН в последнее время составляет около \$ 2 млрд в год — это примерный средний бюджет одного из сотни не самых крупных американских университетов). Это отражается на семейных доходах большинства учёных и в академической, и в отраслевой науке — они ниже, чем у мелкого чиновника или уборщицы. И это, конечно же, отражается на социальном статусе научной работы, который в «новом российском» массовом сознании оказался буквально ниже плинтуса.

Отметим, что всё перечисленное резко сужает систему личностных мотиваций российского учёного. Экономические, статусно-ролевые и карьерные, да и почти все другие «прагматические» мотивы научной деятельности для него имеют всё меньшее значение. Достаточно устойчивыми в итоге оказываются (для тех, у кого они есть) лишь «идеальные» мотивации творческого или интеллектуально-познавательного характера (то, что в советское время иногда называли «удовлетворять собственное острое любопытство за государственный счёт»). Остаётся надеяться, что именно учёных с такими мотивациями в наибольшей мере привлекает «творческая» специфика деятельности в институтах и лабораториях РАН...

Наконец, в той или иной мере потенциальног или уже состоявшегося российского учё-

ного могут побуждать для занятий наукой и немногие другие нормативные (и не вполне нормативные) мотивы. Включая, увы, «путь в науку как трамплин для будущей эмиграции»...

Что и как мы теряем

Одним из наиболее опасных аспектов современного состояния российского научно-технологического комплекса стало то, что эксперты уже называют «составившимся разрывом» в национальном научно-технологическом воспроизводстве. Если в верхних — фундаментальном и прикладном — сегментах отечественной науки ещё идёт (в некоторых отраслях — вполне активно) осмысленная и продуктивная жизнь, то в сег-

менте опытно-конструкторских разработок — в том самом, в котором идея превращается в рыночный продукт — дело совсем худо. Старая советская система ОКР практически полностью (исключение — некоторые сегменты военной промышленности и «сырьевых» отраслей) разрушена. А новая система (хотя бы по известным в развитых рыночных экономиках американской, германской, израильской моделям) — не создана. В том числе, потому, что у бизнеса, который был бы готов этим заняться, нет для этого ни собственных денег, ни источников недорогих кредитов, ни грантовой поддержки, ни каких-либо серьёзных «венчурных» преференций, ни гарантий спроса на конечный продукт.

В результате в нынешней России сложилась и прочно воспроизводится ситуация, когда почти каждая серьёзная и перспектив-

ная идея, возникшая в российской фундаментальной или прикладной науке, немедленно (исключение — лишь часть разработок оборонного назначения) оказывается — хотя бы в порядке приоритетной публикации, обеспечивающей высокий индекс цитирования и научный авторитет — за рубежом. Там она проходит необходимый цикл НИР и НИОКР, патентуется, доводится до технологий или массовых продуктов, и затем предлагается для приобретения в России.

То есть российские научные идеи в самой России вообще почти не реализуются. Они быстро и массово «эмигрируют» за рубеж. И возвращаются в Россию лишь затем, чтобы получить с нас деньги за созданный на основе нашей идеи готовый продукт.

А это не просто тяжелейшие политические и экономические потери. Которые связаны и

с бесплатной передачей конкурентам ценнейшего знания и источника высокотехнологичной добавленной стоимости, и с необходимостью затем покупать итоговый продукт с патентными и прочими «рыночными» надбавками. Это ещё и «замкнутый круг» научно-технологической деградации страны.

И это, наконец, ещё и стратегическая угроза национальной безопасности.

Широко известно, например, какие потери понёс СССР в 1980-х годах в результате импорта в страну американского оборудования, приборов и электронной техники со специально встроенными спецслужбами США техническими и аппаратно-программными «закладками».

Также не лишним будет напомнить, что во время войны в Персидском заливе военное командование Ирака не смогло использовать за-

купленные во Франции системы ПВО по той простой причине, что они содержали скрытые программные «закладки». Которые были активированы с началом боевых действий и превратили мощное оружие в бесполезные груды металла.

Наука и образование

Нет нужды напоминать, что науку «делают» только высокообразованные люди. И потому катастрофическое состояние и продолжающийся регресс российского образования — имеют самое прямое отношение к судьбам нашей науки. Включая ключевые НИИ и систему институтов РАН.

Существует немало школ педагогики, сильно различающихся во взглядах на об-

разовательную систему. Однако большинство этих школ сходятся в том, что всё образование, начиная с дошкольного, может и должно решать не только задачи обучения, но и задачи формирования личности и культуры.

В частности, дошкольное образование должно воспитать и разжечь, а не погасить в ребёнке любопытство в отношении окружающего мира, и желание учиться, желание понимать и знать. Школьное образование — должно научить не только пониманию главных принципов и законов устройства мира, но и активному познающему отношению к этому миру как требующей освоения неисчерпаемой сложности. Высшее образование — должно и предъявить студенту реальность определённой отрасли науки и связанных с ней технологий, и дать понимание места «своей» науки в создании и развитии общего миропони-

мания, и привить навыки и вкус к научному исследованию.

И лишь после всего этого возможна полноценная научная работа, дающая возможность реализовать этот вкус и эти навыки в лаборатории, НИИ, Академии.

Центральная фигура в процессе образования — воспитатель, учитель, преподаватель. Именно они, если не считать семьи, играют исключительное значение в формировании того человека, который, вступив в самостоятельную жизнь, становится — в любой жизненной роли, включая роль учёного, — полноценным гражданином страны, способным к эффективной для себя и для общества деятельности в выбранной роли. В этом смысле совсем не случайно и очень показательно высказывание канцлера Бисмарка после победы Пруссии над Францией во Франко-прусской

войне 1870–1871 гг.: «Эту войну выиграл прусский школьный учитель».

Социально-политическое и экономическое обрушение страны, связанное с распадом СССР, подвергло наши педагогические кадры всех уровней столь же болезненному и унизительному погрому, как и научные кадры. Нищета, обессмысливание главных мотиваций деятельности, утрата общественного авторитета, социального статуса и престижа, вымывание из педагогической среды наиболее способных и активных кадров, резкие противоречия между тем высоким, что нужно было декларировать на уроках, и меняющейся в направлении оправдания и криминализации «уличной» реальностью, — всё это резко и неуклонно ухудшало и качество педагогического состава, и качество образования.

Одновременно серия законов об образо-

вании, принятых в постсоветские годы, и нагружала работу преподавателя всё более изощрёнными и бессмысленными бюрократическими сложностями, и всё более откровенно освобождала и преподавателя, и ученика от ответственности за содержание и качество образования.

Не будем перечислять печальные последствия таких российских «образовательных новаций», как неуклонное снижение объёма и содержания обучения в дошкольном образовании или введение в школе ЕГЭ (единый госэкзамен, к которому педагоги просто «натаскивают» учеников на стандартные «правильные ответы»), или подгонка преподавания в высшей школе под «болонские нормы», от которых решительно отказываются ведущие университеты Европы, или фактическое лишение автономии и самоуправления наибо-

лее сильных университетов страны.

Отметим лишь, что преподаватели наших крупнейших технических вузов в последние годы всё чаще с негодованием заявляют, что большинство поступающих к ним студентов приходится минимум ещё год учить якобы «пройденным» в школьном курсе азам элементарной математики и физики. А руководители НИИ и лабораторий всё чаще обнаруживают, что приходящие со студенческой скамьи новые сотрудники имеют глубочайшие пробелы в понимании базовых основ предмета своих будущих научных исследований. Одновременно в оценках, которые даются потенциальной молодой «научной поросли», подчёркивается, что и у школьников, и у студентов, и у научной молодёжи всё реже обнаруживаются проблески искреннего творческого задора и настоящего научного любо-

пытства.

Один немолодой и вполне состоявшийся учёный, обсуждая проблемы образования у своих внуков и детей, оценил эту ситуацию так: «*Скоро уже ничего нельзя будет сделать. Быстро подгнивают те корни, из которых может расти настоящая наука*».

Что в итоге?

В итоге нельзя не признать, что вся российская сфера науки — от образования до производства идей и технологий — охвачена острым системным кризисом. Глубинная суть кризиса — в том, что пришедшему к власти после разрушения СССР «как бы буржуазному» классу и олицетворяющим эту власть

«эффективным менеджерам» отечественная наука, по большому счёту, не нужна. Этот класс — по каким-то неведомым причинам — считает, что в глобализованном мире вполне можно обойтись продуктами чужой науки и чужих технологий.

По этой логике, России не нужны ни государственный и общественный спрос на науку, ни какое-либо предложение новых идей и воплощённых в материале продуктов со стороны этой самой науки. А значит, и образование, требующееся для поддержания и развития в стране науки, — тоже не нужно. А ведь сколько на этих «не нужно» можно сэкономить бюджетных денег! И сколько из этого сэкономленного можно пустить на бонусы и разные полезные и приятные приобретения!

Логика этих рассуждений спотыкается на событиях, происходящих в Югославии, Ли-

вии или Сирии, и оговаривается, что, мол, та наука, что в «оборонке» или «нефтянке», ещё, пожалуй, может пригодиться. Но далее эта логика вновь переходит в наступление: а остальная наука — зачем?

И, тем более, зачем своевольные академики? Навара от них никакого, а они по любому вопросу осмеливаются иметь собственное мнение и даже навязывать это мнение «эффективным менеджерам» с дипломами ведущих мировых бизнес-школ! Уже вроде всех «пригнули», а эти всё ещё хорохорятся. Критикуют, воду мутят... Независимые, видите ли, автономные! Ну так и надо им показать их настоящее место. А заодно, как сострил премьер Д. Медведев, избавить этих учёных «от несвойственных им функций управления имуществом».

Сказано — сделано... Но что именно сде-

лано?

Во-первых, академическое сообщество оказалось в глубокой неопределённости насчёт своего будущего.

Структура будущего Агентства ещё не создана и только будет учреждаться подзаконными актами. А ведь в это Агентство, похоже, придётся фактически заново «наниматься на работу». Причём неизвестны ни будущий статус и судьба ведущихся и запланированных исследований, ни характер будущих обязательств и отчётности перед новым «начальством».

Кроме того, «подвисают» все международные программы. Поскольку теперь меняется юридическое лицо российской стороны, то все международные соглашения и контракты формально необходимо заключать заново.

Кроме того, РАН будоражат слухи о возможной ликвидации и реорганизации значительной части институтов и лабораторий, а также об их возможной передаче из РАН в ведение профильных или даже непрофильных министерств и ведомств.

Эксперты считают, что «переходная реорганизация» РАН займет минимум год, а её организационно-управленческие последствия приведут к потере российской академической наукой двух-трёх лет активной исследовательской деятельности. Многие институты и лаборатории уже фактически «заморозили» часть ведущихся исследовательских проектов, а также приостановили разработку новых проектов.

Во-вторых, по новому закону принятие всех главных — и кадровых, и программных — решений оказалось предметом «согласова-

ний» между РАН, создаваемым Федеральным Агентством при Правительстве и Советом по науке при Президенте. У учёных возникают понятные сомнения в том, что такие «согласования» могут вывести на разумные и эффективные решения, да и вообще в работоспособности закона.

В-третьих, споры вокруг закона вызвали расколы и конфликты не только среди « рядовых» академиков и членкоров, но и внутри Президиума РАН, что ставит под удар стабильность управления самой Академией.

В-четвёртых, академическое сообщество понимает, что сразу станет резко «беднее». «Выпадающие доходы» от коммерческой деятельности институтов РАН (сдача в аренду площадей и пр.), которые составляют весомую добавку к финансированию работ, никто компенсировать не намерен. Более того, в

бюджете России на следующий год запланировано сокращение затрат на фундаментальные исследования на 7%. Причём сама реформа РАН также обойдётся в немалые деньги, но расходы на реформу в бюджете не предусмотрены.

В-пятых, лишение Академии вслед за университетами остатков реальной автономии одновременно лишает учёных, которые хотят оставаться в российской науке, возможности давать независимые оценки и высказывать независимые суждения. Ведь всем понятно, что тот, кто платит и распределяет деньги, а также утверждает начальников, — всегда имеет большие возможности заказать нужную себе «научную музыку»... Немало членов академического (да и вообще научного) сообщества России начали заново размышлять о своём научном и личном буду-

щем. Часть учёных начала активный поиск рабочих мест за рубежом. Некоторые уехали из страны уже летом, после принятия законопроекта в первом и втором чтениях, некоторые «вот-вот уедут».

Одновременно сокращается и без того скучный приток в институты РАН молодых кадров — набор новых сотрудников приостановлен. Кроме того, по новому закону об образовании (вступил в силу с 1 сентября) институты РАН не могут принимать аспирантов — это право предоставляется только вузам. Соответственно, заинтересованность молодёжи в РАН резко обрушивается (аспиранты сейчас составляют «костяк» приходящих в РАН молодых кадров).

Итог всего перечисленного состоит в том, что сейчас российская наука (прежде всего фундаментальная) получила самый сильный

удар после «реформ» начала 1990-х годов.

Но это, так сказать, собственно научные последствия. А есть (и неизбежно проявятся) последствия социально-политические.

Ключевой политический смысл содержания и «криминально-наездного» стиля принятия закона о РАН состоит в том, что Академию глубоко и подчёркнуто демонстративно оскорбили и унизили. Всю, от академиков до младших научных сотрудников и технического персонала. А заодно ограбили, то есть лишили распоряжения главными ресурсами её автономии — собственностью и бюджетными деньгами.

Возможно, «эффективные менеджеры» хотели только этого. Однако в большой российской и международной политической игре вокруг РАН есть и другие игроки с другими

целями.

Как показывают опросы общественного мнения, в российском — всё ещё инерционно-традиционном — обществе к учёным, и особенно к их высшему составу, то есть РАН, сохраняется высший уровень массового доверия. Выше, чем к президенту, Госдуме, правительству, армии. А значит, именно у учёных в руках один из наиболее мощных потенциалов влияния на социально-политический протест.

Сейчас сотрудники Академии впервые развернули острую антивластную публичную кампанию в СМИ и впервые массово вышли на улицу и в Москве, и в регионах. По мере развертывания последствий реформы очень весомая часть российского научного сообщества наверняка окажется в принципиальной оппозиции к власти и своим авторитетом резко нарастит вес, массовость и политическое

влияние «протестной улицы».

Далее, по принятому закону, институты Уральского, Сибирского, Дальневосточного отделений РАН подконтрольны РАН в Москве (включая финансовое обеспечение бюджетными деньгами). Но РАН, не имея источников финансирования своих собственных институтов, может не устоять перед искушением и начать «зажимать» финансирование институтов отделений. Кроме того, институты пятнадцати региональных Научных центров, также имевших достаточно высокий уровень научной, кадровой и финансовой самостоятельности, оказались финансово и кадрово полностью подчинены будущему Агентству, а в научном смысле — РАН.

В результате в регионах, где авторитет академического сообщества даже выше, чем в Москве, «протестная улица» вполне может

получить дополнительный и достаточно мощный не только антивластный, но и антимосковский и сепаратистский импульс.

Лишение академического сообщества возможности зарабатывать собственным бизнесом (включая всякого рода арендные дела) сделает весь состав РАН гораздо более зависимым от зарубежных коммерческих связей (совместных проектов и грантов). Это резко расширит возможности внешнего экономического и политического влияния на РАН, включая протестно-антивластную компоненту такого влияния.

Но ведь тот потенциал протesta, который был поднят и организован против власти и государства определёнными российскими и зарубежными «политтехнологами» в конце 2011 года, — никуда не делся. И, напротив, вырос в результате наступления новой вол-

ны экономического кризиса, новых повышений тарифов для населения, образовательной «реформы», законодательных атак на семью и т.д. Никуда не делись и те «политтехнологи», которые окормляли этот протест.

А всё это вместе вполне способно дать толчок ко второй, причём гораздо более мощной и массовой, попытке организации в России той «оранжевой» революции, которая потерпела поражение зимой 2011–2012 гг.

Юрий Бялый

Открытое письмо о митинге в защиту российской науки

Елена Сенявская

Всю свою сознательную жизнь, зафиксированную в трудовой книжке, я была связана с научным институтом в системе РАН, пройдя путь от младшего научного до ведущего научного сотрудника, доктора наук и профессора.

Я помню январь 1992 года, первый удар гайдаровской «шоковой терапии», когда, зайд-

дя в магазин, обнаружила, что на всю свою аспирантскую стипендию могу купить лишь полкило варёной колбасы.

Я помню, как в 90-е на моих глазах вымирали (в прямом смысле слова!) целые научные школы и направления — старики один за другим уходили из жизни, не подготовив себе смену, потому что готовить её было не из кого: молодёжь в науку не шла, предпочтя бескорыстному (то есть весьма голодному) служению Истине более сытые занятия, кои перечислять не стану, а то вспомнится невзначай знаменитый опрос тех лет о профессиональных предпочтениях школьников и особенно школьниц...

Я помню своих коллег, уехавших на ПМЖ в Англию, Германию, США, Канаду, и их ностальгические письма в духе одного из персонажей фильма «Окно в Париж»...

Я помню объявление при входе в наш институт: «Приглашается уборщица в банк. Зарплата от 15 тысяч рублей» — при тогдашнем окладе старшего научного сотрудника в полторы тысячи...

Я помню, как мы выживали, мотаясь по трём-четырём работам (для заработка, для семьи), а потом ночами продолжали делать Науку...

Я помню всё. И мои коллеги, не соблазнившиеся на зарубежные гранты, оставшиеся в России не потому, что, как визжит «Эхо Москвы», «никому не нужны ТАМ», а потому, что, несмотря ни на что, считали, что нужны и полезны ЗДЕСЬ, тоже ничего не забыли.

В это безумное лето-2013, как и тысячи моих коллег, я участвовала в протестных акциях научного сообщества, подписывала послания в защиту РАН, а накануне третье-

го чтения позорного законопроекта отправила письма в адрес Президента РФ и Государственной думы. И в очередной раз убедилась в том, что наше мнение для государственной власти ровным счётом ничего не значит. Как ничего не значило мнение большинства граждан СССР, высказанное на Всесоюзном референдуме 17 марта 1991 года, для тех, кто в декабре 1991-го развалил нашу страну.

Сегодня такие же беспрincipные политики разваливают нашу Академию наук и саму Науку, нагло и лицемерно заявляя, что это ей «во благо». Кому и какое «благо» это может принести, сегодня очевидно для всех здравомыслящих людей, даже весьма далёких от науки.

Но в сложившейся ситуации больнее всего сознавать, что нас фактически предали те, кто, как ещё недавно казалось, плыл с нами

в одной лодке. Конформистские призывы руководства Академии «работать в той системе координат, которую задаёт закон и его реализация», то есть, по сути, прекратить всякое сопротивление, означают не что иное, как покорно, всем бараньим стадом отправиться на бойню. Разумеется, речь идёт лишь о рядовых сотрудниках Академии, потому что те, от кого исходят такие призывы, могут не бояться грядущих массовых сокращений (озвученная членом Президиума РАН, председателем Совета по науке при Минобрнауки РФ академиком А. Хохловым на «Эхо Москвы» цифра в 50% «лишних» — только начало) и вполне утешились 100-тысячной пожизненной «стипендией», вызывающей недвусмысленные ассоциации с известными библейскими сюжетами. Ни в коей мере не хочу обидеть тех академиков, кто последовательно выступал и про-

должает выступать против разрушительного закона, но официальная позиция была озвучена — и это неоспоримый факт.

Ещё печальнее наблюдать развернувшуюся в последние дни в интернете перепалку среди коллег по поводу митинга в защиту науки на площади Революции, намеченного на 6 октября и буквально через день после объявления о нём отменённого правительством Москвы в связи с мероприятиями по встрече Олимпийского огня.

Возникшие этим летом на ниве академического протеста общественные организации Совет Общества научных работников, Клуб «1 июля» и Оргкомитет Конференции научных работников, чьи попытки противодействовать реформе РАН оказались бессильны и безрезультатны, 2 октября 2013 года в своих заявлениях выступили с публичной кри-

тикой идеи Профсоюза работников РАН провести совместный митинг с движением «Суть времени» и его лидером Сергеем Кургиняном. Печатные и электронные СМИ пестрят хлёсткими заголовками: «Митинг с Кургиняном — провокация», «Кургинян слил протест», «Учёные негодуют», «Никаких дел с маргинальным политиком» и т.п., а в комментариях и блогах и вовсе звучат непарламентские выражения и нецензурная брань как в адрес самого Кургиняна, так и в адрес профсоюзов, посмевших обратиться к нему за поддержкой и согласовать совместную акцию, главная цель которой — взять реформу под жёсткий общественный контроль.

Откуда столь яростное неприятие союзника, имеющего ясную и чёткую позицию по жизненно важным для нас вопросам? Или для тех, кто поспешил отмежеваться от этой

акции, куда важнее интересов всего академического сообщества проявление собственной лояльности (за которую, очевидно, обещана индульгенция)? Или страшно, что кто-то другой может преуспеть и добиться реального результата там, где сами уже расписались в несостоятельности? И кто, как не они сами пытается внести раскол в наши ряды и слить протест, призывая учёных не участвовать в митинге, иницииированном профсоюзами?

Я историк. У меня хорошая память. На даты, события, имена, факты, тексты. И умение анализировать, сравнивать, сопоставлять.

Когда отложенный митинг будет согласован с правительством Москвы и объявлена новая дата его проведения, я приду на него. И многие из моих коллег с такой же хорошей памятью придут тоже. Я это знаю.

Мы всегда были далеки от политики, за-

нимаясь чистой Наукой. Но если политика бесцеремонно вторглась в нашу сферу деятельности, ставя само её существование под угрозу, придётся и нам самим заняться политикой, заняться всерьёз, со всей присущей академической науке дотошностью.

Елена Сенявская, доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии РФ, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

13 ОКТЯБРЯ В 16:00, В МОСКВЕ, НА ПЛ.РЕВОЛЮЦИИ
НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ
В ЗАЩИТУ РОССИЙСКОЙ НАУКИ

18 сентября был принят в третьем чтении закон о реформе Российской Академии Наук, предполагающий передачу науки в руки «эффективных менеджеров». Это смертельный удар по Российской науке.

Реформа РАН –
удар по России!

ТРЕБУЕМ!

ПОСТАВИТЬ РЕФОРМУ НАУКИ
ПОД ГРАЖДАНСКИЙ КОНТРОЛЬ!

ПРЕКРАТИТЬ «ВЕСТЕРНИЗАЦИЮ»
РОССИЙСКОЙ НАУКИ!

ДОЛОЙ ИЗ РОССИЙСКОЙ НАУКИ
«ЭФФЕКТИВНЫХ МЕНЕДЖЕРОВ-НЕДОУЧЕК»!

ПРИЗНАТЬ НАУКУ
СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ОТРАСЛЬЮ!

Без науки у России нет будущего.
Не дадим «приватизаторам» добить науку!

Митинг организуют Всероссийское общественное движение «Суть времени»,
Общероссийская общественная организация «Родительское Всероссийское
Сопротивление» совместно с Профсоюзом работников РАН.

Телефон для связи с организаторами:

8 (800) 100 97 24

Народное Собрание в защиту российской
науки состоится 13 октября 2013 года в 16:00
в Москве на Площади Революции

В штаб Народного
Собрания,
посвящённого
защите Российской
науки

Уважаемые коллеги! Дорогие товарищи!

Движение «Суть времени» вместе с профсоюзами Академии наук и РВС начали борьбу за нашу науку. У нас появился центр, вокруг которого мы можем сплотиться.

Я биолог с 20-летним стажем работы. Последние восемь лет работаю в Швеции. Поэтому я могу сравнить особенности нашей и «тамошней» науки. Конечно, я не профессиональный аналитик, но некоторые тенденции современной «тамошней» науки настолько сильны, что заметны даже биологу.

Что же я вижу отсюда? Методичный и настойчивый захват Будущего Западом. Наступление идёт по многим направлениям. И захват научной сферы играет в этом процессе одну из главных ролей. Я вижу два основных направления удара.

Первое: понижение статуса национальных

учёных. Этот процесс происходит во всех странах, которые Запад не причисляет к своему кругу. Но нам в данном случае важна Россия.

Нам намекают, говорят напрямую, вдалбливают и талдычат о том, что все настоящие учёные покинули Россию, а те, что остались — лузеры. Это не так. Например, я уехала, а мой гениальный учитель остался в России. Сам факт отъезда ещё не говорит о таланте.

Нам постоянно суют под нос «тамошние» рейтинги лучших университетов мира. При этом не объясняют ни того, кто и как эти рейтинги формирует, ни того, каким целям они служат.

У нас считаются особенно ценными статьи, напечатанные в «тамошних» журналах. Наши учёные, безусловно, должны печатать свои работы на английском языке, но почему

обязательно в западных журналах? В изданиях, где чужая цензура тщательно фильтрует, что можно печатать, а что нет?

Полученные за границей дипломы ценятся намного выше, чем российские. Хотя по своему опыту вижу, что большинство закончивших аспирантуру в шведском университете, где я в данный момент работаю, знают намного меньше, чем мои российские коллеги, а понимают из того, что знают, и совсем чуть-чуть. Так что судить специалиста надо не за то, где был получен диплом, а только за уровень профессионализма.

Для чего же так настойчиво пытаются выдать отечественного учёного за давно отставшего от «современной науки» лузера? А для того, чтобы запустить на нашу территорию «тамошний» дискурс. Чтобы околонаучная и псевдонаучная западная околосица не встре-

чала бы никакого сопротивления. Чтобы никто не смел даже под вопрос поставить её научную ценность и правильность. Чтобы «экспертное мнение» было бы только у «тамошних» холёных профессоров, а всякие «тутошние» лузеры в дешёвых костюмчиках не смели бы даже и рта открыть. А если бы и пикнули чего, так все бы только посмеялись над зарвавшимися неудачниками.

Второе направление захвата науки Западом — научные исследования активно уводятся в сферу Бесполезного. Наверное, реальные исследования проводятся, но в ограниченных количествах, в изолированных местах и сугубо для элитного пользования. Такие исследования не афишируют. Основную же массу западной научной мысли всё упорнее сдвигают в сторону иллюзорного. Гранты в виде подкормки и стимуляторов щедро

разбрасываются в строго определённых областях. Искусственно создаются и поддерживаются бурные потоки каких-то гендерных исследований, всемирного потепления и прочего подобного.

Эти потоки, по замыслу западных проектантов Будущего, должны увлечь за собой направления мысли всей мировой науки. С помощью такого механизма вычёркивают из сферы научного поиска целые области. Они становятся как бы невидимыми. И в основном из сферы приложения сил учёных хотят убрать исследования, направленные на решения реальных проблем человечества. Ну, например, на исследования по глобальному потеплению тратятся огромные ресурсы, но идут они не на серьёзные мелиоративные проекты и не на селекцию устойчивых к новым условиям культур, а распыляются на боль-

шие и малые «пугалочки». А в то же самое время в головы граждан и политиков внедряется мысль, что если какой-то проблемой на Западе не занимаются — значит она того не стоит!

Так, поднимая много шума вокруг пустых проблем и увлекая научную мысль в поток Бесполезного, науку всего мира пытаются превратить из производительной силы в налоговое бремя.

Вот чего, на мой взгляд, хотят добиться. А если мы позволим этому случиться, то развитие и перерождённой науки, и всего общества пойдёт в русле, заданном Западом. И именно Запад будет конструировать Будущее для нас. Поэтому спасение нашей науки и сознательное укрепление авторитета «тутошних» учёных — это наше сопротивление чужим проектам Будущего!

В связи с этим предлагаю:

1. Проанализировать существующие условия получения российских грантов и убрать пункты, которые дают преимущества учёным, публикующимся в западных журналах, дают преимущества научным коллективам, имеющим совместные проекты с западными лабораториями

2. Внести в условия получения грантов пункты, которые стимулируют сотрудничество между научными коллективами внутри России,

3. Учредить российские электронные журналы (по типу F1000 или PloS), публикующие работы наших учёных на английском языке. Привлечь к работе профессиональных переводчиков. На государственном уровне активно заниматься продвижением этих журналов и поощрять учёных, публикующихся в дан-

ных изданиях.

4. В любых государственных проектах, где привлекаются научные эксперты, включение как минимум равного количества отечественных специалистов должно быть обязательным.

Желаю эффективной работы Народному Собранию! Призываю всех коллег осознать важность момента и принять участие в движении за сохранение нашей науки! За наше право самим создавать своё Будущее!

Елена Калле Участник движения «Суть времени», Швеция Department of Forest Mycology and Plant Pathology. Swedish University of Agricultural Sciences. Uppsala, Sweden

Письмо участникам митинга в поддержку науки

Николай Серафимович Зефиров

В 1989 г. меня выбрали (тогда было так) и утвердили директором Института физиологически-активных веществ АН СССР (теперь — ИФАВ РАН, Черноголовка). И с приходом перестройки я на своей шкуре ощутил финансовую катастрофу, когда нечем было платить даже за тепло, воду и канализацию — какие там траты на науку! Спасло нас тогда моё научное реноме: мне удалось договориться о работе на японцев, что и спасло институт от полной катастрофы. Аналогично, моя лаборатория в МГУ была спасена за счёт американских денег.

А сотрудники выживали как могли: кто уезжал (наших брали везде с распростёртыми объятиями — в США, пожалуй, более тридцати профессоров разного уровня из моей лаборатории. На кого я работал?!), а здесь мы брались за любые поделки. Но выжили и, как ни

странно, даже сумели найти стратегию развития новых научных направлений.

Сейчас разгром науки продолжился. Интересно проследить идейную и планомерную подготовку этого разгрома, основанную, как мне кажется, на следующих мифах, взятых на вооружение нашими СМИ.

Миф №1 — «и в Советское время науки не было». Враньё! Приведу пример из химии — области, где я специалист. В Институте органической химии АН СССР в работах школы академика (тогда он им ещё не был) В. А. Тартаковского был впервые в мире получен динитроамин и его соли. Авторы быстро поняли, что это прекрасные окислители. Структура АН СССР была приспособлена для практических внедрений (хотя все и тогда жаловались), и совместными работами с академиками Жуковым, Саковичем

и членкором Гидасповым эта лабораторная находка быстро была доведена до многотоннажного производства ракетного окислителя. В США через многие годы были получены только миллиграммы, и когда там стало известно, что сделано в СССР (наверно, от перебежчиков), то они сравнивали этот проект по оригинальности и масштабу со своим Манхэттенским.

Миф №2 — «если раньше наука и была, то сейчас её (в РАН, да и не только) нет». Враньё! Наша наука хоть и драматически пострадала от тотального недофинансирования, но РАН по-прежнему является основным поставщиком добротной научной продукции (ср. число статей и патентов) по сравнению со всеми остальными организациями (кстати, о научной продукции Сколково в области химии я вообще не слышал).

Сейчас в мировой химии в моде так называемый «металлокомплексный катализ». Но давайте вспомним, что это направление широко развивается в школах академиков Белецкой, Толстикова и членкора Джемелева. Более того, академик Белецкая была даже одним из основателей этого направления.

Миф №3 — «лучшие учёные уехали на Запад, а осталось барахло». Чепуха! Я уже говорил, сколько уехало от меня (если поеду в США, то сопьюсь, путешествуя по ученикам из гостей в гости). Да, некоторых очень жалко было потерять. Но моя лаборатория в МГУ и до сих пор выпускает химиков экстра-класса. Раньше их всех забирала АН (РАН), а теперь — кто куда... Жаль, что в МГУ их стало оставить почти невозможно — там свои реформы...

Тем не менее этот миф живуч и взят на во-

оружение распределителями финансов. Они считают, что главными получателями мегагрантов и новых лабораторий должны быть не тутошние учёные, а тамошние, «наши» из Оксфорда или Кембриджа, даже если там они закончили всего-навсего курсы кройки и шитья. Ну деньги им розданы такие, что ждём сотни открытий и «нобелевок».

Инструментом (фомкой) для взлома русской науки является «цитируемость» и прочая научометрическая рейтинговая белиберда (публикации в рейтинговых — обязательно иностранных — журналах и т.д.). Я на свою цитируемость не жалуюсь, но отношусь к ней как к сугубо вспомогательной, хотя иногда и полезной информации. Это как пришедший к руководству армией выбранный штатский демократ считает, что капитан всегда воюет лучше, чем старлей — звёздочек больше(!) и

т.д. По этому поводу негативно высказывались многие учёные (в том числе главный редактор самого рейтингового научного журнала *Nature*). А давайте вспомним, как целые научные направления, где авторы хорошо цитировали друг друга, со временем канули в никуда.

Наукой руководить трудно, потому что в ней главное — существенный анализ сделанного. А ведь дошли или дойдём скоро (с реформой образования — особенно), до того что не найдёшь, кто сможет понять суть прочитанной научной статьи. В науке важен научный авторитет: например, в квантовой химии я буду доверять мнению академика В. И. Минкина, даже если десяток каких-то официальных (?) «экспертов» министерства (и откуда их там набирают?) будет говорить обратное (однако, несомненно, и их отзывы прочитаю и

проанализирую по сути — в принципе, и авторитеты могут ошибаться).

Зато в СМИ лихо реформируют науку по стандартным западным клише какие-то невесть откуда взявшиеся «научные авторитеты» (почему-то обычно имеющие бороду). Основной их лейтмотив простой: «вот приедет барин — барин нас рассудит». А дальше наглость, невежество, напор и желание побольше должностей и денег себе любимому. Кстати, и из нашего уникального МГУ тоже пытаются сделать кальку стандартного западного университета, каких сотни.

Итог: антинаучный закон принят, и первый бой (а будут ли другие?) мы проиграли. Было два варианта развития событий: договориться или протестовать. Не скрою, мне первое казалось более надёжным (в РАН такие «политзубры»!). Но проиграли. Теперь будут

скольжение в пропасть и обсуждаемые в разных интервью меры, направленные лишь на замедление этого падения за счёт уступок, компромиссов, ужимания и сокращения и т.д.

Протесты же принимаются к сведению, если они массовые. Вывела бы РАН на улицы если не миллионы, то хотя бы сотню тысяч работающих в ней сотрудников — могло бы быть по-другому. Но это трудно, да и многие из моих коллег допускают, в принципе, не политизацию протеста, а следование в фарватере иностранной науки и системы образования.

А что делать сейчас — я не знаю. Я слышал, что профсоюз РАН собирает совместно с движением «Суть времени» митинг. Если на нём будут выработаны конструктивные направления деятельности в поддержку науки, то я как человек, не ходящий на митинги в си-

лу возраста, пожелал бы им удачи. Собственно, кто ещё является надеждой России, если не патриотичные, молодые и образованные?

Академик АН СССР и РАН, заслуженный профессор МГУ, Лауреат Госпремий СССР и России Н.С.Зефиров

Война с историей

Шура, шурá и Путин

Я не хочу, чтобы Москва превратилась в Душанбе 1992 года. А она может превратиться в один момент. Как это превращение может произойти, понятно всем. А вот как его избежать в стратегической перспективе...

Courtesy Photo

Душанбе, 1992 г.

В начале 90-х за несколько дней мирный сияющий Душанбе, эта вотчина благополучного коллективного таджикского Шурки Балаганова, превратился в территорию шуры. Я помню это превращение. Оно начинается уличными радениями, напоминающими маленькие смерчи. Потом маленькие смерчи

сливаются в большой. Толпа начинает выть. С каждым из тех, кто воет, происходит чудовищная метаморфоза. На лицах возникает почти одинаковый волчий оскал. Тёплые, приветливые глаза стекленеют и наливаются невыразимой жестокостью. Потом смерч распадается, и возникает шура — совет полевых командиров, переходящих от слов к делу. Эти дела творились в банях, где людей варили заживо (в том числе и грудных детей), и на лесопилках, где людей заживо расчленяли. Речь идёт не об отдельных случаях. Закономерное превращение Шуры в шуру порождает массовый исступлённый садизм, делает садизм нормой жизни.

Но разве это происходило только в Таджикистане? А Чечня? А Сербия? Или Хорватия? В последних двух случаях нельзя ссылаться на исламизм, не правда ли? Между тем имело

место всё то же самое, с небольшими корректировками.

Для того чтобы ключевой образ — сначала сияющий Шурка, потом вращающийся вокруг этого Шурки смерч, а потом шура — дополнялся строгими аналитическими выкладками, я поделюсь с читателем соображениями, которые, на мой взгляд, носят очень простой и очевидный характер. И игнорировать которые можно, только распространив процедуру зажмуриивания с очей физических (а также социально-психологических) на очи ума и очи души.

Как только срывается резьба, и начинаются разборки, никого уже не интересуют электоральные показатели. Потому что все понимают, что на повестке дня отнюдь не выборы. Поначалу кажется, что на первый план выходят уличные показатели. И они впрямь по-

началу выходят на первый план (смотри вышеизложенное описание превращения Шурки Балаганова в смерч). Но вскоре и уличные показатели перестают кого-либо интересовать. Ну хорошо, выставил ты толпу в сто тысяч людей... А я выставил 500 автоматчиков и открыл огонь на поражение. И где они, твои сто тысяч?

Если у тебя только сто тысяч, то ты не в счёт. Предъяви автоматчиков в качестве входного билета в новую реальность. Те, кто предъявили своих автоматчиков (смотри приведённые выше оперативные данные о разного рода шурах), это и есть шура на тот или иной манер. И какие при этом тексты читаются, совершенно неважно. Исламские или другие... каждого интересует собственная крутизна и крутизна других.

Шура образуется для того, чтобы утвер-

дить свою крутизну против чьей-то крутизны. Теперь уже не слово против слова. И не бабки против бабок. А автомат против автомата.

Утвердив свою крутизну, шура начинает внутреннюю разборку.

Дай бог, если внутри шуры находится один — особо свирепый и толковый — полевой командир. Тогда он может перегрызть всех остальных членов шуры и установить какой-то порядок. В противном случае члены шуры будут грызться до скончания веков. Или вплоть до полного обескровливания народа, который должен поставлять боевиков для полевых командиров. Или вплоть до иноземной оккупации.

Читатель, стремящийся предвосхитить мысль автора, воскликнет: «И конечно же, таким особым членом шуры — наиболее сви-

репым и толковым — оказался Путин Владимир Владимирович!»

Нет, дражайший читатель. Таким наиболее свирепым и толковым полевым командиром оказался Иосиф Виссарионович Сталин. И он перегрыз почти всех остальных членов шуры, сформированной в Гражданскую войну. Оставил же или толковых автоматчиков, не имеющих своей полевой кодлы (таких, как Шкирятов или Молотов), или спецов, ненавидящих полевые кодлы и не способных их создавать (таких, как Шапошников).

Ну а поскольку каких-то полевых командиров надо было оставить, то он оставил или казавшихся ему крайне неумными и хорошо программируемыми (Будённого, например), или очевидным образом отторгаемых создаваемой системой (Берия).

Уничтожив шуру своего времени (если

кто-то считает, что Тухачевский не полевой командир, мечтающий перегрызть горло другим полевым командирам, то это странный «кто-то»), Сталин задал целевую установку, запустил самого разного рода процессы. И в конечном итоге, оставаясь полевым командиром в одном смысле слова (опыт экспроприаций, Царицына и так далее, как мы понимаем, никуда не делся), Сталин в другом смысле слова стал отрицанием стихии полевых командиров и этой самой шуры. Если хотите, он стал тем самым «султаном» или «эмиром», которого Гейдар Джемаль (см. выше) считает узурпатором, преступно сокрушающим шуру.

Что касается Путина, то он оказался в игре именно тогда, когда улыбающийся счастливой улыбкой вора коллективный Шура Балаганов готовился превратиться в смерч. С тем, чтобы потом собраться в шуру. Я не

знаю, смог ли бы Путин стать одним из членов шуры. Никто этого не знает, включая Путина. Про такие вещи узнаёшь только по факту. Крутишься, крутишься — глядь, сидишь на полянке... Вокруг вздымается Гиссарский хребет. Рядом с тобой человек восемьсот — кто в халате, кто в камуфляже, кто в трениках, но все с автоматами. Кушаешь с ними плов и думаешь: «Батюшки, неужели я стал полевым командиром? И что же дальше?»

Конкретно я описываю покойного Сафарали Кенджиева. Но это же можно отнести и к другим. Сидят на полянах... Ну не плов, а шашлык... Думают: «Батюшки, я ли это, бывший полковник советской армии! Вона ведь куда занесло!»

Между прочим, кто слишком задумывается и погружается в стихию таких внутренних

монологов, того быстрее убивают.

Сталин, я думаю, не задумывался, а просто шёл вперёд. По трупам, скажете? А по чёму ещё идти в таких случаях? По травушке-муравушке, видимо? Сталин не задумывался, а шёл. А когда прошёл весь путь, то каким-то не лишённым таинственности способом превратился в отрицание собственной отрицательности.

Но что же Путин?

Путин предложил себя на роль стабилизатора Шуры Балаганова, уже готового развалиться на части и превратиться сначала в смерч, а потом в шуру. Путин превратил себя в ту самую деталь, напоминающую лазерную указку, которую надо вставить Шуре Балаганову чуть-чуть повыше пупка, чтобы Шура этот не развалился на части.

Ну так Шура и не развалился. То, что от-

дельные элементы этой коллективности покинули пространство шуркиной балаганности и оказались кто в тюрьме, кто за рубежом, а кто и в могиле, — это частности. Сам же Шурка Балаганов уцелел за счёт того, что в него вставили эту самую лазерную указку. Уцелев же, продолжил пилить, стал совершенствовать процедуру пиления. Довёл её до виртуозности, чем-то напоминающую виртуозность Спивакова и его компаний. И впрямь ведь, в зале сидят мужики, которые по-серъёзному пилят и с такой виртуозностью, что дальше некуда.

Сидят мужики и смотрят, как кенты на сцене не пилят, а пиликают. На этих самых... как их... смычках... Сидят и в чём-то видят себя. Не только услада слуха, но и пантомима что-то напоминает. Одни пилят, другие пиликают, но все при деле. И всё благодаря этой

самой «лазерной указке», торчащей чуть выше пупка коллективного Шурки Балаганова.

Я уже говорил, что жанр обязывает, и что одна статья сразу на три темы: аналитическую, политическую и метафизическую — по определению должна быть метастатьей. То есть статьёй, в которой меняются и язык, и жанровые характеристики.

Следуя этому самозаданию, я напоминаю читателю, что уже не раз говорил об определённых основополагающих тенденциях, формирующих ту реальность, в которой мы живём. И что тем началом, которое связывает между собой все эти разнокачественные тенденции, является регресс.

Десять лет назад кое-кто из нынешней obsługi специфического стабилизационного механизма, торчащего в теле Шурки Балаганова, неискренне изумлялся: «Какой ещё ре-

гресс!» Я вам расскажу, какой.

Очень крупный кинорежиссёр и педагог после моей лекции в некоем киношном учебном заведении воскликнул: «Мы теперь уже не можем спрашивать абитуриентов, как зовут чеховских трёх сестёр. Потому что никто из абитуриентов не ответит». Его соратник, вторя коллеге, добавил: «Мы к пятому курсу с трудом выводим будущих кинорежиссёров на уровень десятого класса провинциальной советской средней школы. Может быть, в этом наша великая творческая миссия?»

Опросы в среде солдат, которые служат далеко не в худших военных частях, показывают, что никто из этих солдат не знает, что Русь крестил Владимир Святой. Большинство опрошенных считает, что это был Пётр Первый. И что жил Пётр Первый в XIII веке.

Я не берусь утверждать, что такие точеч-

ные опросы характеризуют общую ситуацию. Но что-то они ведь характеризуют, не правда ли?

Представители высшего политического бомонда часами могут нести околесицу, в рамках которой грубейший антихристианский оккультизм соседствует с антихристианским же язычеством, плохо пережёванными сведениями из псевдонаучной литературы и исступлённым христианством. В этой смеси вполне может найтись место для отправления, наряду с христианскими, и ацтекских ритуалов. Вы думаете, я шучу?

Всерьёз обсуждается необходимость мобилизовать филологов для обучения офицеров написанию элементарных рапортов.

Всё это вместе и есть декультивация как часть регресса.

Но это только часть регресса. Другая

часть того же регресса — десоциализация. Объясняешь молодым людям, что они в так называемых полевых условиях должны прежде всего позаботиться о семьях, в которых есть маленькие дети. Тебя слушают с восторгом и записывают эту норму в тетрадь. Между тем необходимость заботиться о потомстве — это животный инстинкт. Любой волк будет заботиться. Но это волк. А тут животные инстинкты подавлены потому, что человек. А социальные программы отсутствуют. Почему? Потому что отсутствуют. Шурка Балаганов поработал на славу.

Одни пилят, другие пиликают — и все вместе истребляют основы национального (а в общем-то, и общечеловеческого) бытия. Истребляя, обсуждают идентичность... Национальную идею опять взялись обсуждать. Мол, пусть кто-нибудь что-нибудь этакое со-

чинит. Национальную идею не сочиняют. Её извлекают из окружающего нас всех социального и культурного воздуха. Она — это то, чем этот воздух наэлектризован. Но для этого нужен воздух. И электричество. И подлинный интерес к идее. И способность это электричество извлекать. Ну скажите мне, пожалуйста, при чём тут «Валдайский клуб»? Поговорите с людьми о чём-нибудь им понастоящему интересном. О вине «Петрусь», например. Или об особо качественном шотландском виски. Узнаете много интересного. Но при чём тут национальная идея? Это как в рассказе Чехова «Страх». Герой предаёт своего друга, флиртуя с его женой. А друг приходит за фуражкой и застает сладкую парочку. Уходя, говорит: «Тут я забыл вчера свою фуражку». Герой же, покидая ту комнату, где он флиртовал с женой друга, смотрит на воду и

орёт в окружающую его пустоту: «При чём тут фуражка?»

Кстати, начинается всё не с фуражки, а с разговора о смысле жизни. Друг спрашивает героя, почему люди считают, что самое страшное — это привидения, загробные тени. Герой отвечает: «Страшно то, что непонятно». Тогда друг героя говорит: «А разве жизнь вам понятна?»

Вопрос на засыпку. Если я понимаю, что по дороге, вехами на которой являются распилы, шествует Шурка Балаганов, что это шествие коллективного распиливателя поддерживает коллектив пиликающих... Если я понимаю, что всё это удерживается неким стабилизатором, вставленным чуть выше пупка, — то значит ли это, что я понимаю жизнь? И является ли понимаемое мною жизнью в полном смысле этого слова?

Меня спрашивают, как это всё сочетается с Поклонной и Колонным залом. По-моему, это так просто сочетается, что дальше некуда. Я не люблю коллективного Шурку Балаганова. Это мало сказать, что я его не люблю. Но я не хочу, чтобы Шурка превратился в смерч, а потом в шуру. Я не хочу, чтобы Москва превратилась в Душанбе 1992 года. А она может превратиться в один момент. Это ей, Москве, дуре набитой, сытой, напомаженной, кажется, что такое превращение невозможно. Как это превращение может произойти, понятно всем. А вот вопрос о том, как его избежать в стратегической перспективе, требует отдельного серьёзного обсуждения.

Сергей Кургинян

Метафизическая война

Жмурки

Слепые не могут вести никакую войну — а уж политическую и по-давно. Не могут вести политическую войну и люди, боящиеся увидеть нечто и потому яростно за-жмуривающие глаза

Макс Бекман. Жмурки. 1945

Зажмуривающиеся... чем они отличаются от слепых? Тем, что слепые не могут в одночасье без совершения особых излечивающих процедур взять да и увидеть нечто. А

те, кто зажмурились, — могут.

Зажмутивание — это облегчённый вариант слепоты. Ты в той же степени, что и слепой, ничего не видишь. Но тебе дана возможность открыть глаза и увидеть. А слепому для этого нужны помочь мудрого врача, воздействие мощных лекарств, хирургические операции и так далее.

Наблюдая за ведущимися политическими дискуссиями, слушая соседей по купе (я сейчас достаточно много езжу), ужасаешься тому, как же яростно и целеустремлённо зажмурились очень и очень многие. Как же не хотят они увидеть это самое нечто, пришедшее в их мир и несущее этому миру смерть.

Скажешь человеку об игре в жмурки — он радостно улыбнётся. «Как же, как же, и я играл, это милая детская игра». Так-то оно так. Но почему фильм Балабанова — фильм же-

стокий, фильм, смакующий триумфальную победу зла, называется «Жмурки»? И почему мёртвых называют жмуриками? Неужели созвучие слов «жмурки» и «жмурик» — это случайность? Конечно же, нет. Слова «жмурки» и «жмурик» явно однокоренные. Что, кстати, и использовал Балабанов.

В Толковом словаре Даля написано: «Жмурить, жмуривать — сжимать, зажимать глаза, закрывать их веками. Жмурки — игра, в которой один, с завязанными глазами, ловит других. Жмурик — умерший, усопший, покойник».

Светлые и умильные детские игры порой уходят своими корнями в далеко не светлые и совсем не умильные мифы. На уровне мифа игра в жмурки символизирует собой следующее: «Слепой ищет зрячего — мёртвый ищет живого». Увы, никакой умильности. За-

то проясняется всё, что связано с очень непростым, как мы видим, переплетением двух слов: «жмурки» и «жмурики».

Переплетение слепоты и смерти — штука непростая. Убеждённость в том, что умереть — это потерять зрение, носит глубокий и именно мифологический характер. Не зря говорится: «закрыть глазки да лечь на салазки», «свет из очей выкатился» и так далее. Мифологическое сознание убеждено в том, что смерть, будучи безжалостной к своим жертвам, сама является незрячей («смерть ни на что не глядит», «смерть сослепу лютует» и так далее).

Специалисты обращают внимание на то, что, по распространённому у восточных славян поверью, если сразу не закрыть глаза покойному, смерть воспользуется открытыми глазами и выберет ими новую жертву.

Слепая смерть — это очень популярный литературный образ. Недаром зачастую глаза смерти (почтайте хотя бы «Критикон» Бальтазара Грасиана, написанный в 1657 году) описываются как «никакие». И объясняется это тем, что смерть ни на кого не смотрит.

Помимо мифологического переплетения слепоты и смерти, есть и иное переплетение. В самом деле, слепота со времён античности в Европе была тесно связана с двумя болезнями, севшими смертью: оспой и проказой. Поэтому слепцы воспринимались как несущие людям смерть.

В своей интересной работе «Повседневность и мифология» (Санкт-Петербург, «Искусство-СПб», 2001) К. Богданов пишет:

«Утвердившееся в словарях толкование слова «жмурки» производит послед-

нее от глагола *түзүріті* и существительного *түзірга* (мгла, тьма), а чередование гласных и начальная метатеза позволяют связать его (в пределах гипотетически общеродовой основы) со словами «мгла», «миг» («мгновение»), «сме-житъ», и — как результат народно-этимологического сближения — со словами группы «жсму», «жсать». На севере России с кругом тех же слов номинативно связаны мифологические персонажи, насылающиеочные страхи и удушье: жсма, жсара. Типологически последние репрезентируют смерть и нечистую силу, которая может взять и к которой можно «отослать» человека («Жма тебя побери!»).

О смерти же — и уже непосредственным образом — напоминают широко рас-

пространённые и имеющие тот же корень, что и жмурки, русские диалектизмы и арготизмы, обозначающие покойника, мертвца: «жмурук», «жмурик», «жмур».

Выдающийся специалист по народным сказкам В. Я. Пропп проводит параллели между слепотой Бабы Яги и той слепотой, которой американский фольклор наделяет разного рода старух. Фактически Пропп проводит всё ту же параллель: слепой ищет зрячего, мёртвый ищет живого. И Баба Яга, и слепые американские старухи являются для Проппа мёртвыми, которые ищут живых. И значит, в целом речь идёт об этой самой переправе через Стикс, в рамках которой возможна встреча мира живых и мира мёртвых.

Я уже много раз обращал внимание читателей на поразительно глубокое и откровен-

но метафизическое стихотворение А. Твардовского «Берег». Но у этого советского поэта есть, на первый взгляд совсем лишённая такой метафизической глубины, сознательно приземлённая поэма «Василий Тёркин». Прочтайте сначала «Берег», а потом «Василия Тёркина» — и вы иначе воспримете и разговор замерзающего Тёркина со смертью, и описание, казалось бы, обычной земной переправы.

Переправа, переправа!

*Берег левый, берег правый,
Снег шершавый, кромка льда...
Кому память, кому слава
Кому тёмная вода, —
Ни приметы, ни следа.*

Такая тёмная вода — чем не Стикс?

А вот высказывание великого Леонардо да Винчи: «*Кто не предпочёл бы потерять*

скорее слух, обоняние и осязание, чем зрение? Ведь потерявший зрение подобен тому, что изгнан из мира, ибо он больше не видит ни его, ни какой-либо из вещей, и такая жизнь — сестра смерти».

Слепота как сестра смерти... Недаром живые столь заботливо берегают от окончательной слепоты покойника. Они зажигают свечи, наряжают покойника в светлую одежду, соблюдают запреты на разного рода домашнюю работу, которая может ненароком окончательно ослепить покойника, и так далее. И недаром слепыми покойниками зовутся упыри и иные враги рода человеческого. Чего стоит слепая мёртвая панночка из гоголевского «Вия», да и сам Вий.

Слепые пророки и поэты, слепые проридцы, слепые знахари, слепые колдуны... Обманутый слепой Исаак... Ослеплённый

Одиссем Полифем...

В той же игре в жмурки слепой, который должен поймать зрячего, должен ещё и угадать имя того, кого он поймал. В каком-то смысле в жмурки играли люди, схватившие Иисуса Христа («ругались над Ним и били Его; и, закрыв Его, ударяли Его по лицу и спрашивали Его: прореки, кто ударил Тебя?» (Лк 22:63–64)).

Специалисты, обращающие наше внимание на такие сложные вещи, связанные с зажмуриванием, далеко не всегда являются филологами. Я здесь упомянул филологов К. Богданова и В. Проппа... Но как не упомянуть Карла Маркса и Фридриха Энгельса! Они очень подробно разбирали «Парижские тайны» Эжена Сю. И, в частности, осмысливали описанную Эженом Сю жуткую историю преступника Грамотея, который, бу-

дучи ослеплённым, играл в жмурки, пытаясь поймать свою бывшую подельницу Сычиху. В итоге он поймал и убил Сычиху. Такие жуткие игры в жмурки, игры, полностью лишённые детской легкомысленной благостности, описаны очень многими писателями. И Стивенсоном, и Джеком Лондоном, и Набоковым. Безжалостные слепые герои-мстители, играющие в жмурки со своими врагами... Этот образ кочует из одного фильма в другой. Так что Балабанов с его «Жмурками» совсем не оригинал.

Порой мне кажется, что наша интеллигенция занята только игрой в жмурки. Что она постоянно пытается найти кого-то и угадать его имя. Причём, занимаясь этим, она яростно отказывается преодолеть свою слепоту.

Есть предперестроечная пьеса Владимира Аppo «Смотрите, кто пришёл». Пьеса эта

никак не может быть названа глубокой. Но ей нельзя отказать в определённой прогностической ценности. Владимир Арро предсказывает пришествие криминального капиталистического класса. Он предлагает зажмурившимся интеллигентам перестать зажмуриваться и посмотреть, кто же именно пришёл. У Арро к интеллигентам, продающим дачу, приходит парикмахер по имени Кинг, который предлагает им остаться жить на даче после её продажи. На самом деле — и дача эта у Арро далеко не конкретна, и продавцы лишены особых бытовых примет. Арро действительно предлагает интеллигентам перестать жмуриться и увидеть, что пришёл не банальный нахапавший бабок парикмахер, а именно король грядущей эпохи. Но интеллигенты зажмурились так яростно, как могли. Зажмурились ещё в предперестроечную эпо-

ху и продолжают жмуриться до сих пор.

Между тем, не увидев, кто пришёл, невозможно решить ни одну проблему. В том числе и проблему так называемой реформы РАН.

В этом номере мы решили присмотреться к одной и той же проблеме под разными ракурсами: метафизическим, политическим, культурным, историческим, экономическим и так далее. В качестве такой проблемы мы взяли проблему РАН. Предложенный подход и повторяет то, что мы осуществляли до сих пор, и существенно развивает всё, что мы раньше предлагали читателю. Потому что до сих пор мы рассматривали разные проблемы под разными углами. А теперь хотим под разными углами рассмотреть одну и ту же проблему.

Ну так вот. Проблему РАН, как и любую другую проблему, нельзя ни решить, ни даже

оконтуриТЬ, продолжая зажмуРИваться. Надо открыть глаза и посмотреть, кто пришёл. И что именно этот «кто» исполняет как вообще, так и в конкретном случае РАН. Только, пожалуйста, не надо говорить, что пришёл Путин... Или чекисты... Или бюрократия...

Перестаньте играть в эти жмурки! Пришёл на самом деле определённый класс, предсказанный Аppo и взращённый в колбе под названием «перестройка». Не увидеть, как именно класс взращивали, можно, только играя в жмурки. Потому что на самом деле все этапы этого взращивания были описаны, предъявлены обществу в виде объективной реальности, данной ему в ощущениях. Все эти этапы представляют собой... Ну, я не знаю... Скульптурные композиции. Или балетные миниатюры. В любом случае, они но-

сят очерченный, внятный характер. Они ярко высвечены политологическими, экономическими и иными прожекторами. Ну как же можно их не увидеть! Понятно, как — только играя в жмурки. Игра в жмурки идёт десятилетиями. Она передаётся от поколения к поколению. Упрямая, безмозглая, самоубийственная игра как бы умных людей... В мёртвый узел сплетаются метафизика, политика, психология и многое другое. Эй, откройте глаза и признайте очевидное!

Вы хотели построить капитализм в России за пять лет (с 1991 по 1996 год)? Да или нет? Ну кто же может сказать, что не хотели? Только зажмурившаяся, не правда ли?

Ельцин предложил вам именно это? Да или нет? Ну кто же может сказать, что он это не предложил?

Ельцин выполнил обещанное, подарив

стране Гусинского, Березовского, Потанина, Авена, Фридмана, Чубайса и других? Я ведь навскидку называю конкретные имена, а тут не в них дело. Ельцин подарил стране гомункула, сооружённого на скорую руку в колбе приватизации Чубайсом и его гарвардскими друзьями? Да или нет? Ну кто же может сказать, что нет? Только зажмурившиеся.

А можно было по-другому построить капитализм за пять лет в стране, где полностью отсутствовало первоначальное накопление капитала? Поясняю для малограмотных: в Европе, например, первоначальное накопление осуществлялось веками в городах, где кузнецы ковали доспехи, каменщики складывали дома, торговцы торговали — и все вместе накапливали деньги, иные экономические ресурсы. Что и называется первоначальным накоплением капитала. Это накопление было

легальным и легитимным. Или, точнее, оно не было криминальным. Наряду с этим было и криминальное накопление, связанное с ограблением колоний и многими другими вещами. Но доминировало — эй, зажмурившаяся, откройте глаза! — именно некриминальное накопление капитала.

Потом, когда капитал победил, его пришлось ещё дополнительно декриминализовать. Но внутри победившего капитала были целые сектора, которые имели изначально некриминальный характер. Формировались они столетиями. Всё это в деталях описано очень и очень многими блестящими исследователями, принадлежащими к разным школам.

Ну так вот! Перестройщики и постперестройщики (то бишь Горбачёв, Ельцин и их подельники) наплевали на этот опыт и за-

менили столетия первоначального накопления несколькими годами, заявив, что первоначальное накопление будет происходить в стране, где некриминальное накопление капитала было исключено. Страна эта называлась СССР. Частным бизнесом в этой стране могли заниматься только криминальные и (в лучшем случае) околокриминальные (чеховые) группы. Всё, что связано с первоначальным накоплением, было криминализовано, понятно? Эта криминализация первоначально накопленного была очевидна для всех, кто вызвался строить капитализм.

Осуществление проекта построения этого капитализма за пять лет (беспрецедентно короткий срок) обрекало построенный капитализм на статус стопроцентно криминального. Ельцин выполнил своё обещание. Он построил капитализм за пять лет. Но он построил

криминальный капитализм. Не видеть этого — можно только зажмурившись.

Все, кто кричал: «Даёшь построение капитализма за пять лет!», все, кто поддерживал Ельцина (в том числе и в зловещем 1993 году), — не понимали этого? Или же сознательно на это шли? Но тогда они должны понять, на что они шли. Они шли на построение общества, в котором господствующий класс — криминален. То есть они строили криминальную опухоль, которая не могла не пожрать организм. Так почему тогда они сетуют на то, что эта опухоль организм пожирает?

Нам говорят: «Мы знаем таких-то и таких-то честных капиталистов». И мы знаем — эка невидалъ! И что с того? Разве в организме, поражённом самым зловещим заболеванием, здоровые клетки не преобладают над больными вплоть до самой смерти? Да и с опухолью

Жмурки

всё не так просто, не правда ли?

Короче, очевиднейшим образом и согласно явно артикулированному плану был построен криминальный капитализм, который стал пожирать общество и страну. Он ничем другим заниматься не может, этот капитализм. Начал он с пожирания одних подсистем. Потом накинулся на другие. Теперь он пожирает подсистему под названием РАН. И эта подсистема негодует. А когда он пожирал другие подсистемы, чем занималась РАН? Играла в жмурки? А сейчас чем она занимается? Разве не тем же самым?

Готовые отказаться от подобной игры — откройте глаза и посмотрите, кто пришёл. А мы вам в этом поможем.

Сергей Кургинян